

Проект "СИЯНИЕ"

Возвращение Норы

Сошников Владислав

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Сошников

**Проект «Сияние».
Возвращение Норы**

«Автор»

2021

Сошников В. В.

Проект «Сияние». Возвращение Норы / В. В. Сошников —
«Автор», 2021

ISBN 978-5-532-98924-5

Война никогда не меняется... Сгоревший в ядерном пожаре мир уже много лет лежит в руинах. Когда-то это были Соединённые Штаты Америки. Теперь эти земли - Великая Пустошь. Она по-прежнему сурова и жестока, но по-своему прекрасна. Герой, проспав много лет в крио-сне в одном из убежищ, выживает в разрушенном мире. Случайно он встречает свою погибшую жену. Но вскоре Нейтан и Нора узнают, что за ними открыта охота. Зловещая организация, замесившей разгромленный Институт, жаждет заполучить семейную пару в свои лапы. Водоворот приключений, смерть и любовь, дружба и предательство. Ведь Пустошь никого не щадит. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98924-5

© Сошников В. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владислав Сошников

Проект "Сияние". Возвращение Норы

Пролог

Старик бежал. Бежал настолько быстро, насколько хватало ему сил, часто спотыкался, падал, но упрямо поднимался с земли и снова бежал. Серой тенью он двигался вперёд с той невеликой скоростью, которую с превеликим трудом позволяли развивать его измученные артритом стариковские ноги. Непонятно было, как только могло выдерживать подобный бешеный темп его сердце, стучавшее внутри впалой грудной клетки так, словно хотело выпрыгнуть наружу или просто пыталось разбиться изнутри о рёбра, настолько гулкими и прерывистыми были его удары. Но старику, казалось, было всё равно, что он в любую секунду сделал ещё один, дающийся с невероятным трудом шаг может просто упасть и больше не подняться. Но он упрямо шёл дальше, нет, уже не бежал, а просто шёл, плёлся, еле волоча свои старые ноги, согнувшись едва ли не до самой земли и обхватив худые костистые плечи руками. А злой радиоактивный ветер Светящегося Моря яростно трепал его редкие седые волосы, поднимал тучи чёрной пыли, давно уже покрывавшей несчастного с головы до ног, швырял щедрыми горстями в лицо, забивал ею лёгкие. Пытался свирепыми порывами сбить с ног упряма, неизвестно какими судьбами оказавшегося в самом сердце заражённых земель, засыпанных тоннами радиоактивного пепла с торчащими тут и там покорёженными, обугленными стволами мёртвых деревьев. Казалось сама чёрная пустыня вокруг недоумевала, как это он, этот жалкий убогий сморчок, это едва держащееся на своих худых как палки ногах недоразумение умудрилось до сих пор оставаться в живых посреди её смертельных объятий. И собиралась это досадное упущение в самом скором времени исправить.

Но старик упрямо, как одержимый шёл и шёл вперёд к какой-то важной, одному ему ведомой цели. Видимо настолько для него важной, что заставила его в одиночку, без всего, практически раздетым пуститься в отчаянное, граничащее с безумием смертельно опасное путешествие. Вся его так называемая «защита» состояла из тонкого лабораторного халата, одетого поверх ещё более тонкой рубашки, который из белого давно уже превратился в тёмно-серый, старых драповых брюк и стоптанных, державшихся на честном слове ботинок. До сих пор несчастному везло. Несказанно, просто фантастически везло. Всего лишь час с небольшим назад ему посчастливилось обойти стороной огромную лужу диаметром ярдов около двадцати, глубиной по колено и наполненную до краёв вяло колышущейся зеленовато-коричневой жижей, по поверхности которой плавали хлопья мерзкой пены. Отвратительную жидкость, из которой состояла эта лужа, назвать водой ни у кого в здравом уме язык не повернулся бы, даже если этот самый гипотетический «кто-то» очень сильно этого захотел. Но страшна была не сама лужа, исходящая как и вся земля вокруг ядовитыми испарениями, уровень радиации снаружи и в глубине которой зашкаливал настолько, что казалось ещё чуть-чуть – и воздух вокруг просто начнёт светиться. Крайне опасны были те вселяющие животный ужас существа, что стояли, сидели, а порой и вовсе лежали в её мутных водах.

Когда-то очень-очень давно все они были людьми. Самыми разными, молодыми и старыми, добрыми и не очень, весёлыми и грустными – всякими. Но теперь их всех объединяло и роднило одно очень печальное обстоятельство. Однажды в прошлом каждому из них, вместе с многими миллионами других людей «посчастливилось» на личном опыте испытать все прелести попадания под массивный ядерный удар. Не испепелённые с теми самыми миллионами других таких же «счастливых» в первые минуты войны в ярких, много крат ярче самого солнца термоядерных вспышках, не будучи распыленными на атомы или сметёнными

и перемолотыми в кровавый фарш ударной волной и не сгорев заживо в бушевавших кругом пожарах, эти люди тем не менее получили такую дозу облучения, что девять из десяти умирали в первые же дни или даже часы. Сгнивая заживо, буквально растворяясь изнутри, выхаркивая кровавые ошмётки, в которые превращались их внутренности. Но нашлись единицы, которые не умерли сразу. Каким-то неведомым, чудовищным образом они изменялись, со временем превращаясь в существ, продолжавших всё ещё во многом походить на людей, но людьми уже не являвшимися. Одно ли только сильное радиационное облучение послужило этим метаморфозам или был какой-то ещё неизвестный фактор, вкупе с радиацией повлиявший на тот кошмар, что происходил с этими людьми, наверняка сказать не может никто. Но так появились те, кого некоторое время спустя выжившие в ядерном аду люди окрестили «радиационными гулями». Существа, живущие немислимо долго и медленно, но неотвратимо гниющие заживо, они так же медленно и неотвратимо со временем теряли рассудок и превращались в жутких, кровожадных монстров, не ведающих ни жалости, ни страха, ни раскаяния. Всё время терзаемые неутолимим голодом, эти бывшие люди жили единственным желанием отведать свежей окровавленной плоти, и не важно, кому будет принадлежать эта плоть. В разных местах их называли по разному: «облучённые», «гнилушки», «облезлые», «зомби» – всех прозвищ и не перечислить, но самой сути это не меняло. В большинстве людских поселений к «нормальным», ещё не впавшим в кровавое безумие гулям относились со смесью жалости и отвращения, позволяли им селиться и жить рядом. Но всё же очень многие их презирали и при любом удобном случае всячески измывались над несчастными и третировали их. Сами же эти, так называемые «разумные» гули старались по возможности жить наособицу, зачастую образуя целые поселения, состоявшие исключительно из себе подобных. Вот и наш несчастный странник едва не угодил в горячие объятия этих самых «диких» гулей, которые мигом разодрали бы его в клочья, попадись он им на глаза. И убежать ему от стаи «дикарей» точно не удалось бы, нечего даже и думать. Но на сей раз капризная госпожа удача была на стороне старика. Когда очередной порыв ветра разогнал ядовитые клочья тумана, мутной пеленой покрывавшего просторы Светящегося Моря, он первым успел заметить радиоактивную лужу с её кошмарными, смертельно опасными обитателями и свернуть в сторону до того, как те увидят его самого и незамедлительно явятся по его душу.

И вот теперь старик шёл, вернее едва плёлся, держась за сердце и хватая ртом насыщенный отравой воздух. Он пробирался среди бетонных обломков, в беспорядке нагромождённых друг на друга, причудливыми скалами тут и там выступавшими из клубящейся ядовитой мглы. Пару минут назад старик проглотил последнюю таблетку «Рад-Х», препарат, который он не переставая принимал с того самого момента, как очутился на поверхности Светящегося Моря. Маленький стеклянный пузырёк, который выпал из дрожащих пальцев, вмиг унесло резким порывом ветра. Старик судорожно вздохнул, захрипел и зашёлся в диком приступе кашля, выхаркивая длинные чёрные сгустки. Наконец ему удалось кое-как отдышаться, он вытер будто углём испачканные губы рукавом халата и снова побрёл дальше. Теперь, как только действие таблеток, защищавших его организм до сей поры от радиации закончится, смертельное излучение возьмётся за него уже в полную силу. И тогда его отчаянный забег закончится очень быстро.

Впереди в сгущающемся сумраке показался причудливый силуэт разрушенного здания, своими кривыми обломками с провалами окон украшавшего окрестный пейзаж. Старик чувствуя, что ещё немного – и он просто рухнет в пыль и больше никогда уже не встанет, настолько истощены были его и без того невеликие силы, решил немного отдохнуть укрывшись в старых развалинах. Не самое разумное решение, надо сказать. Ведь любой уважающий себя бродяга, шныряющий по Пустоши ради интересных, а порой и весьма дорогих находок знает, что лезть в развалины и заброшенные дома в поисках отдыха и ночлега совершенно не стоит, по той простой причине, что они зачастую привлекают к себе всякую нечисть. Да тех же различ-

ных мутантов, к примеру, при любом удобном случае охотно и с удовольствием отведающих вашего парного мяса, если вы сами по неосторожности загляните к ним на обед. Но старик не был бродягой-мусорщиком, тем более не был он и опытным странником. И не мог знать об опасностях, которые таили в себе руины, чьи закопчённые чёрные стены с каждым шагом становились ещё ближе, проступая из тёмной мглы всё отчётливей. Поэтому когда из-за ближайшего бетонного обломка в его сторону внезапно метнулось стремительное гибкое тело, старик к этому был совершенно не готов. Он замер, оторопел от неожиданности и в растерянности забегал глазами по сторонам, судорожно пытаясь сообразить, куда бы ему спрятаться.

Громадному, достигавшему около десяти футов в длину скорпиону, высочившему из засады не суждено было в этот раз полакомиться человеческой плотью. Старик буквально в последний момент всё же собрался и совершил отчаянный по своей прыти рывок, спрятавшись внутри перевёрнутой и на три четверти зарывшейся в грунт топливной цистерны. Ему каким-то чудом удалось протиснуться в рваную, обрамлённую ржавыми лохмотьями дыру на боку огромной ёмкости, ободрав при этом руки, разбив в кровь колени и разорвав в нескольких местах халат с брюками. Да ещё и потеряв один ботинок в придачу. Он успел в самую последнюю секунду: страшная, покрытая уродливыми хитиновыми наростами клешня клацнула буквально в дюйме от его головы. Скорпион не мог пролезть в отверстие, которое едва смогло пропустить через себя иссохшее тело старика. Не зная, как добраться до так досадно ускользнувшей добычи, он тут же впал в бешенство. Гигантское насекомое стало кружить вокруг цистерны, поднимая тучи чёрной пыли, в остервенении колотя по её ржавым бокам клешнями и хвостом, увенчанным устрашающего вида жалом в тщетных попытках расковырять неподатливую жестянку, скрывавшую в себе его законную добычу.

Старик воспалёнными слезящимися глазами обвёл место, в котором внезапно очутился, а оглядевшись вдруг с ужасом осознал, что обратно наружу ему никогда уже не выбраться. Тварь, загнавшая путника в ржавые недра цистерны ни за что просто так его не отпустит и будет караулить рядом сутки напролёт зарывшись в пепел. Эти сволочи очень хорошо умели терпеливо ждать. И тогда измученный старик лёг на землю, свернулся калачиком и горько заплакал. За воем ветра и грохотом, создаваемым обезумевшим скорпионом он не услышал, как в окружавшую его какофонию внезапно вторгся рокочущий рёв рассекающих воздух винтов летающей машины.

Глава 1

– Зайка, это ты?! – удивлённо и радостно прозвучало у меня за спиной. От неожиданности вздрогнув всем телом, я уронил на прилавок тяжёлый затвор от винтовки калибра «50», который до этого рассеянно вертел в руках, вяло отнекиваясь от настырного Артуро Родригеса. Он настойчиво пытался мне этот самый затвор всучить, причём втридорога, и который мне по сути на хрен был не нужен. Но поразили меня не сами слова, прозвучавшие как гром среди ясного неба, а голос эти слова произнёсший. Тот самый голос, единственный из всех, не узнать который было бы попросту невозможно, роднее которого для меня не существовало и который мог принадлежать только одному человеку. Самому дорогому для меня человеку на свете. Моей Норе. Моей покойной жене Норе. Чувствуя, как по спине пробегают мурашки, а пальцы рук предательски подрагивают, я медленно, словно в замедленной съёмке повернулся к тому, а вернее сказать – к той, кто стояла сейчас за моей спиной. Краем глаза я отметил, как мгновенно расплылась в сальной улыбке усатая смуглая морда Артуро словно у кота, которому нежданно-негаданно обломилась целая миска браминьего молока.

Спустя мгновение, длившееся для меня целую вечность я стоял перед ней, не имея сил оторвать взгляда от родного лица, какой-то частью сознания до конца не веря в реальность происходящего и потихоньку уплывая куда-то в астрал, в запредельные дали вселенной, где в ослепительно танце созвездий сливаются воедино перекрёстки миров и существуют ответы на все вопросы. А она смотрела на меня своими красивыми, внимательными серыми глазами и улыбалась самой счастливой улыбкой на свете. Не знаю сколько продлилась и дальше продолжала бы идти эта счастливая сцена из немого кино – я совершенно потерял ощущение пространства и времени, но из ступора меня вывел прокуренный голос Артуро, прозвучавший у меня за спиной:

– Hola, senorita! Buenos dias! Добро пожаловать в наш скромный магазинчик! Как я успел заметить, вы знакомы с этим бездельником? – готов поклясться, что с этими словами он ткнул окурком сигары, который держал зажатым между указательным и средним пальцами мне в спину.

– Заткнись, Артуро, – внезапно предательски севшим голосом просипел я, не отрывая глаз от Норы, стоявшей в шаге от меня.

А ещё спустя секунду я уже крепко сжимал её стройную фигурку в своих объятьях, а она, обхватив меня руками за шею, буквально засыпала поцелуями моё лицо, заросшее недельной щетиной и украшенное несколькими свежими ссадинами. Так мы стояли какое-то время, забыв обо всём окружающем, не замечая вокруг ничего и никого. Ни случайных прохожих, ни празднично шатающихся зевак, ни торговцев, нахваливающих свой товар, ни охранников, следящих за порядком на рынке. Наконец разомкнув наши объятия, мы с Норой вновь посмотрели друг на друга.

– Нейтан, милый, я не могу поверить, что я тебя нашла, – прошептала она и в уголках её глаз маленькими жемчужинами заблестели слезинки. – Это же просто чудо, настоящее чудо! Понимаешь?

Я же продолжал стоять, как дурак, не в силах вымолвить ни слова и лишь чувство неопишуемого восторга при виде живой Норы мешало мне окончательно и бесповоротно слететь с катушек. Или наоборот – помогало не слететь.

– Ты не поверишь, милый, как мне было плохо там, одной, – она махнула рукой в сторону бетонной стены, опоясывающей Даймонд Сити, – ничего не понимаю, не помню... Я чуть с ума не сошла! Там, снаружи очень страшно, кругом одни развалины, кто-то воет так жалобно... Если бы не те люди... И Шон... Наш мальчик... – и она в жесте отчаяния прижала кулачки к груди, а глаза вмиг наполнились слезами.

– Пстой, – я нежно взял её ладошки в свои и заглянул Норе в глаза. – Не спеши... Потом, всё это потом. Главное мы снова вместе и теперь я тебя больше никогда и ни за что не потеряю, милая, клянусь. Пойдём.

– Пошли, – кивнула она, тряхнув волосами, (боже, у неё даже причёска та же самая, что и в «тот» день!). – Только мне вещи забрать свои нужно. Это здесь, совсем недалеко.

– Идём, – я взял жену за руку и поднял с земли свой рюкзак.

– Эй, Сталкер, а как же покупки? – оживился за прилавком Артуро, видя что клиент ускользает, как вода сквозь пальцы, а вместе с ним и вся надежда на выручку. – Ты же так ничего и не купил у старика Артуро! Даже патронов не взял, э?

– В другой раз, друг, – отрицательно мотнул головой я, окончательно разбив все надежды торговца на выгодную сделку. – Не сейчас, извини брат.

– Э, да ладно, ладно, что там! – махнул рукой торговец. – Всё понимаю! С такой красоткой я бы и сам рванул на полной скорости куда глаза глядят!

И улыбнувшись Норе своей, как он считал, самой неотразимой улыбкой на прощанье сказал:

– Ты забегай, Сталкер, не забывай старика. И синьориту с собой обязательно приводи, посидим за бутылочкой, я для такого случая специально приберегу.

– Непременно, Артуро, – кивнул я, надевая шляпу. – Непременно. До встречи!

– До встречи, синьор Артуро, – проворковала Нора. – И никакой вы не старик.

– *Nasta la vista, senorita, gracias!* – Родригес аж прямо засиял, весь такой польщённый.

Мы покинули рынок и свернули в одну из многочисленных кривых улочек Даймонд Сити. Собранные из разнообразного многоцветного хлама, натасканного со всей округи, высотой в несколько этажей, соединённых между собой всякими лестницами, лесенками и переходами дома и домишки представляли собой целый лабиринт, заблудиться в котором несведущему человеку было проще простого. Я сам в первые свои посещения анклава плутал тут, пока не освоился и не запомнил, что, где и как расположено. Честно говоря мне, человеку из прошлого очень странно было наблюдать, во что превратился бейсбольный стадион Фенуэй Парк.

Мы с Норой крепко держась за руки направились в сторону многоэтажной конструкции, где среди хаотичного нагромождения домов-коробок яркой неоновой вывеской над входом выделялся один. Яркие разноцветные буквы, переливаясь многообразием красок сливались в надпись: «Запасной Игрок». Под этим неброским названием находилось заведение, которое содержали два брата-близнеца Бобровы, Вадим и Ефим, по характеру ну просто две полные противоположности. Один – рассудительный, спокойный тихоня, другой же – просто какой-то взрывной вулкан эмоций, который фонтанировал всевозможными идеями ежеминутно, добавляя этим самым немалую долю хлопот своим домочадцам, а заодно и всем окружающим. Родило же братьев одно: оба они были добродушными, честными парнями, с которыми в общем-то было приятно иметь дело. И виски у себя в баре они не разбавляли, как некоторые. Ну, или почти не разбавляли. Что впрочем не помешало Вадиму однажды втянуть таки меня в одну авантюру с участием ди-джея местного радио, некой девушки и трёх уголовников мелкого пошиба. А я как дурак повёлся на сладкие посулы и рассказы этого пройдохи Вадима и решил поучаствовать в деле на свою дурную голову. Окончилась эта его затея, впрочем, как обычно и заканчиваются большинство подобных затей в наше нелёгкое время весёлой вечеринкой с бегом и стрельбой. Но, слава богу, всё обернулось удачно для нас и неудачно для них. После чего Вадиму пришлось торжественно поклясться мне и своему братцу-тихоне в том, что впредь поумерит свой пыл и забудет о всяких сомнительных затеях. А ещё вдобавок ко всему будет молчать, как рыба о трёх, уже наверное изрядно разложившихся трупах в сливном коллекторе на задворках одной старой заброшенной пивоварни.

Заведение близнецов состояло из бара, в который от входной двери вёл длинный коридор и жилых комнат на втором этаже здания, куда нужно было подняться по металлической лестнице снаружи.

– А почему он назвал тебя «Сталкер»? – неожиданно спросила Нора.

– Кто, Артуро? Это не он придумал. Так меня зовёт один чокнутый старикан, живущий в Добрососедстве.

– В Добрососедстве? А где это? – Нора смахнула с глаз непослушную прядь и глянула на меня.

– Да это в... в Бостоне, в общем. Как-нибудь покажу тебе это место, там довольно-таки интересно. Ты здесь остановилась?

Мы стояли под неоновой вывеской заведения братьев Бобровых.

– Да, здесь. Мне позволили занять комнату на несколько часов днём, но сказали, что за ночлег уже нужно будет платить, а мне нечем. Я хотела отдать им те вещи, которые остались в номере в качестве уплаты за ночлег. Вадим сказал, что обдумает моё предложение.

– Вадим сказал? – ухмыльнувшись переспросил я.

– Ну да. А потом я решила от нечего делать прогуляться по рынку и вдруг увидела тебя, – улыбнулась она. – Это ли не чудо! Скажи?

– Я решил, что крыша у меня поехала окончательно, – признался я. – Нора, но как?!.. Я же видел, как...

– Как они меня убили? – Нора склонила голову на бок и глаза её вмиг стали серьёзными и грустными.

– Нора, я...

– Но, как видишь, я жива и совершенно здорова. На груди у меня давно заживший след от пули. Хотя я абсолютно не понимаю, как такое вообще могло произойти. Весь тот кошмар, сообщение по телевизору о начале войны, ядерный гриб на горизонте, потом убежище... Всё как во сне. Я вижу, как ты отчаянно бьёшься о стекло, чувствую, как нашего сына вырывают у меня из рук, потом вспышка и удар в грудь... А после ничего, совсем ничего, понимаешь? Я ничего не помню с того самого момента, как тот лысый тип со шрамом выстрелил в меня! Боже, мне было так больно! А потом – тьма... Когда я очнулась сегодня, то лежала одна в каких-то развалинах, одетая в то, что сейчас на мне... Рядом какой-то робот... Как это понять? Где я была всё это время? Я не помню...

– Стоп! После, всё после, – выставил я вперёд раскрытые ладони. – Главное ты со мной, а всё остальное подождёт. Потом мы во всём с тобой разберёмся. Вместе.

Я шагнул к ней, снова крепко обнял и прижал к себе. Лицо Норы посветлело, по чётко очерченным пухлым губам вновь скользнула улыбка. Мы забрали из номера небольшой кожаный баул с её скудными пожитками, заперли дверь и заглянули в бар где Вадим, насвистывая какой-то весёлый мотивчик за стойкой неторопливо протирал стаканы вафельным полотенцем не первой и не второй свежести. Его братец Ефим перепоясавшись застиранным до бледно-синего цвета старым фартуком собственноручно мыл пол шваброй, экономя таким образом на услугах уборщицы. В баре по причине раннего времени посетителей и завсегдатаев ещё не было, а разные матёрые алкаши и прочие утренние выпивохи предпочитали опохмеляться дешёвым бухлом на рынке у заезжих фермеров, приторговывающих ко всему прочему своим ядрёным и мутным деревенским самогоном. Адское поило, скажу я вам! Раз попробовал – больше не хочу, мне жизнь дороже. Впечатления после того случая ещё те остались.

Увидев нас с Норой на пороге, Вадим заулыбался во всю ширь, а Ефим опустил швабру в ведро, ногой отодвинул то и другое к стене и шагнул к нам, вытирая руки о свой условно синий передник.

– О! Мистер Нейтан, добро пожаловать! – широко раскинув руки, словно собираясь задуть меня в своих объятиях прокричал из-за стойки Вадим, мастерски изображая неподдель-

ную радость встречи. – Давненько вы к нам не заходили, давненько! Вы как – по делу, или выпить с утра стаканчик-другой нашего превосходного виски?

Тут он обратил внимание на Нору:

– О, а вы оказывается с мисс знакомы! А мы тут с братом, – он кивнул в сторону молчаливого Ефима, – решили проявить милосердие и приютили попавшую в затруднительное положение молодую прекрасную леди. Нет, не подумайте ничего плохого, абсолютно бесплатно, разумеется.

– Привет Вадим, Ефим, – кивнул я братьям. – Всё парни, миссис Стюарт вас покидает, комната уже освободилась.

– Миссис Стюарт? – переспросил Вадим, удивлённо переводя взгляд с Нору на меня и обратно на Нору. – Но ты же... Это же...

– Да Вадим, да, – кивнул я. – Это моя жена. Вот, возьми за беспокойство.

Я ссыпал из ладони на стойку пяток затёртых крышек от «Нюка-Колы», положил ключ от номера и мы направились на выход, оставив братьев стоять в полном недоумении.

– Куда теперь? – спросила Нора, после того, как мы снова оказались на улице.

– Домой в Сенкчуари, куда же ещё, – пожал я плечами, закидывая на плечо свой увесистый рюкзак и беря в левую руку сумку Нору. – Путь неблизкий, к ночи доберёмся. А там и поговорим обо всём, о-кей?

– Угу, – кивнула Нора. – А мы что, пешком пойдём? Это же очень далеко отсюда...

– Пешком, любимая, пешком. Сейчас только так и никак иначе.

Нора вздохнула и ничего не ответила, лишь снова поправила прядку волос на лбу.

Кстати, – вспомнив нечто важное, я обратился к жене, – у тебя оружие есть? А то я что-то не заметил.

– Нет, нету, – отрицательно качнула головой Нора. – Но это, как я понимаю, теперь важно, да?

– Угу, – кивнул я. – Жизненно важно, понимаешь ли... Так, ладно – вот, возьми тогда. Как пользоваться помнишь, надеюсь?

– А то! – усмехнулась она.

Я откинул полу потёртого брезентового прорезиненного плаща, поверх защитного комбинезона и вытащил на свет божий из наплечной кобуры своей второй, вспомогательный ствол – довоенного ещё производства «Хадсон Н-9», а из кармашков с другой стороны подвеса извлёк два запасных магазина на пятнадцать патронов каждый. Всё это хозяйство передал Норе. Сразу сунув боезапас в карман своего бежевого пальто, она сноровисто проверила пистолет на наличие полного магазина и патрона в патроннике, чуть оттянув и вернув затвор на место. Засунула пистолет спереди за пояс джинсов, расстегнув у пальто пару пуговиц. Застегнула пальто и повертелась туда-сюда, привыкая.

– Не удобно, – пожаловалась она. – Но ничего, потерплю как-нибудь до дома.

– Потерпи, милая, – кивнул я. – Кобуру под тебя подгонять надо, пока провозимся... А нам до темноты ещё успеть дойти нужно.

Нора расстегнула свою сумку, выудила из неё синюю вязанную беретку и водрузила себе на голову, убрав волосы под неё. Повернулась ко мне и улыбнулась:

– Тогда пошли?

– Пошли. Кстати, ты голодная?

– Нет, меня на рынке один торговец лепёшкой угостил, пока ничего не хочу.

– Ну тогда пойдём. У меня с собой есть кое-что в дорожку, если что – на ходу пожуём.

Мы покинули стены бывшего стадиона, превращённого выжившими и закалёнными в горниле ядерного пламени Великой Войны людьми в крупный и крепкий анклав. Как утверждают некоторые теперешние его жители пафосно говоря: «Даймонд Сити – это оплот мира и

надежды на возрождение цивилизации в наше время». Как по мне – это достаточно спорное заявление, хе-хе. Высокие трибуны стадиона Фенуэй Парк, на которых некогда толпы болельщиков восторженным рёвом встречали любимые команды бейсболистов отлично послужили впоследствии в качестве надёжных крепостных стен, а пространство внутри стадиона люди приспособили, используя его как стройплощадку для нового поселения, превратившегося со временем в более-менее цивилизованный анклав в Содружестве. Внизу, возле стойки у карательного помещения я забрал у дежурного свой длинноствол и подсумок с магазинами. Ношение винтовок и автоматов в городе запрещалось и все, кто наведывался в анклав извне обязаны были сдавать свои стволы на входе, где всё оружие записывалось, опечатывалось и складывалось в специальной камере хранения, а владельцу выдавалась бирка с номером. При отбытии из анклава оружие возвращали обратно его хозяину. Заряжать можно было сразу за воротами на небольшой, окружённой со всех сторон пустующими домами площади перед Даймонд Сити. Когда начальник смены охранников отдал приказ открыть ворота и гидравлические подъёмники потащили массивные стальные листы вверх, вместе с нами стены города покинули ещё около трёх десятков человек самой разнообразной публики, решившей отправится поискать счастья на просторах постыдаерной пустоши в окрестностях разрушенного войной Бостона.

Первыми за ворота вышли три фермерских семейства, выводя косматых и умопомрачительно благоухавших крепким и устоявшимся ароматом навоза быков, запряжённых в нагруженные всяким нужным в хозяйстве барахлом повозки. Фермеры, видимо, удачно расторгались, настроение у всех было приподнятым, их дамы громко судачили, эмоционально сплетничая обо всём подряд. То и дело под сводами трибуны раздавались взрывы звонкого женского смеха. Мы с Норой посторонились, пропуская фермерские караваны на выход пока я заряжал винтовку и вешал на себя подсумки с магазинами. Следом на площадь перед воротами вышла маленькая разношёрстая толпа людей, часть из них сразу же покинула площадь, группками по два-три человека направившись в разных направлениях. По их одежде и снаряжению было понятно, что это команды мародёров-мусорщиков отправились в свой очередной поход за хабаром в пустошь. Там они подолгу будут старательно рыться в древних развалинах надеясь на удачные находки, что бы тем самым заработать себе на хлеб насущный. Ну и на выпивку, само собой.

Потихоньку площадь практически опустела и лишь одно фермерское семейство почему-то задерживалось у ворот. Что-то у них там случилось неладное с колесом на телеге и глава семейства, высокий статный мужчина в светлой фетровой шляпе, длиннополом синем сюртуке и высоких начищенных сапогах гулким басом покрикивал на двух работников, пытавшихся поломку исправить.

Но привлекли моё внимание не они, а троица молодых людей, как и все мы только что покинувших Даймонд Сити. Два парня в возрасте от двадцати до тридцати и молоденькая девица с ними, одетые кто во что. Которые отойдя от ворот ярдов на пятьдесят в сторону ближайших развалин, остановились там, и сбившись кучкой стали что-то горячо обсуждать, то и дело украдкой бросая внимательные заинтересованные взгляды на застрявшее на площади фермерское семейство. Уловив, что я смотрю на них, молодой человек, который с виду был постарше двух других и повыше ростом, что-то сказал своим товарищам и они быстро скрылись за углом полуразрушенного здания банка, что мрачной серой глыбой высилось напротив стадиона. Моя неизменная и горячо любимая подруга паранойя издала сигнал тревоги третьего уровня и я, тронув Нору за руку, направился напрямиком к главе семейства фермеров. Когда я подошёл, тот как раз перестал покрикивать на своих подопечных, снял шляпу с головы и стоял, вытирая пот со лба большим клетчатым платком.

– Извините уважаемый, что отвлекаю, но мне нужно сказать вам буквально пару слов, – обратился я к фермеру.

Нора стояла рядом, с интересом разглядывая фермерскую повозку, запряжённую парой кряжистых косматых быков с широкими рогами. Фермер повернулся ко мне, нахлобучил свой головной убор обратно на место и настороженно уставился на незнакомого высокого худощавого мужчину в необычном бронекостюме под длинным плащом и с автоматической винтовкой на плече – то есть на меня.

– Я вас слушаю, – прогудел он низким басом, а молодой парень, чья схожесть с главой семейства явно бросалась в глаза и который поглаживал, успокаивая, переминавшихся с ноги на ногу быков, как бы невзначай опустил руку на гладкоствольный карабин кустарной работы, что лежал у борта телеги на мешках с поклажей.

– Мне хотелось бы предупредить, что в пути вас, возможно, могут ждать не очень хорошие люди, – сказал я, сдвинув пальцем шляпу на затылок и глянув в глаза фермеру. – И попросите вашего сына не лапать карабин, вам тут никто пока не угрожает. А то охрана, – я кивнул на закованных в броню парней у ворот, – может что-нибудь не то подумать.

– Кaleb, не трогай пушку, – пробасил фермер. – А с чего вы взяли, что нас могут ждать?

– Да как вам сказать... Мне очень не понравились взгляды, которые бросала в вашу сторону троица, что стояла у тех развалин, – я указал на здание банка. – Вон там они стояли. Увидели, что я на них смотрю и поспешили убратсья. Но сдаётся мне, что могут где-то по дороге попытаться напасть на ваш караван, уж больно жадными глазами они смотрели на ваши пожитки. И вполне возможно, что где-то там, на дороге дожидаются их приятели.

– М-да, однако... Но откуда мне знать, мистер, что вы не заодно с ними и не заговариваете мне зубы, что бы заманить нас в ловушку под видом помощи? А?

И он грозно посмотрел на меня, нахмурив кустистые брови и напустив на себя такой суровый вид, какой только смог изобразить. Сынуля Кaleb, оставивший быков в покое и стоявший теперь возле телеги опять потянулся к карабину.

– Я сказал, что сказал, а вам решать, как быть дальше, – равнодушно пожав плечами, вздохнул я и развернулся, что бы уйти. – Меня здесь многие знают, – я кивнул в сторону городских стен, – так что вам решать, прислушаться к моим словам, или нет. Главное, что бы потом не пожалеть. Пойдём, Нора.

Мы отошли от притихших фермеров на десяток шагов, когда нас окликнули:

– Пойдите мистер! Я не знаю вашего имени, но прошу меня извинить за излишнюю резкость и суровость. В наше время, понимаете ли...

– Знаю-знаю: нельзя сходу доверять незнакомцам! – обернулся я, остановившись. – Всё верно, ваша осторожность достойна похвалы, мистер.

– Эббот, меня зовут Джошуа Эббот, мистер. Позвольте узнать ваше имя?

– Нейтан Стюарт. Но люди в основном зовут меня Сталкер.

Эмоции, отразившиеся на открытом и простодушном лице Эббота после того, как я назвал своё имя и прозвище, красноречиво показали, что он обо мне слышал и имеет некое представление о том, с кем в данный момент общается. Дело в том, что за те полтора года прошедшие с того, не сказать, что бы сильно счастливого момента, как я волею судьбы очутился на просторах Содружества, выбравшись на поверхность из склепа, в который превратилось Убежище 111 для тех, кто надеялся выжить в нём во время всемирной ядерной заварухи, я успел прожить такую бурную жизнь, что самому порой было трудно поверить в то, что все эти события произошли именно со мной одним, а не с десятком совершенно разных людей. Потому и неудивительно, что люди из самых разных уголков штата хоть как-то, хоть краем уха могли слышать обо мне и моих похождениях.

Во времена отсутствия телевидения изустные истории имеют высокую популярность в народе, и пересказанные множество раз они порой обрастают такими подробностями, что от изначальных, истинных событий в этих байках не остаётся ровным счётом ничего. Но этого бывает вполне достаточно, что бы у человека сложилась определённая репутация, подкреплён-

ная слухами и домыслами, как правило идущая впереди её носителя. Сказать по чести всё то, что болтали в народе обо мне и моих похождениях, на самом деле было скорее ближе к истинным событиям, чем к вымыслу и народным байкам. Поэтому фермер, услышав моё прозвище сразу проникся и уже был склонен всерьёз прислушаться к моим словам насчёт возможной засады.

– М-да.., – сдвинув шляпу, Эббот почесал макушку с намечающейся лысиной. – Однако... Это может превратиться в проблему. Дело в том, что сюда мы прибыли с большим караваном и думали, что обратно на ферму отправимся тем же составом, но наши соседи решили остаться в Даймонд Сити ещё на пару дней. А мне никак нельзя задерживаться! Дело в том, – он доверительно наклонился ко мне и понизил голос, – что моя благоверная беременна, и вот-вот должна разродиться. А дома с ней осталось лишь пара служанок, да несколько рабочих. Но они целый день в поле, так что... Как вы понимаете, мистер Стюарт, мне нужно срочно отправляться назад, на ферму, а тут ещё колесо это! Но с ним уже практически закончили, а вот ваши слова меня настораживают. Нас слишком мало, что бы противостоять хорошо спланированному нападению. К тому же, к слову, половина моих людей бойцы так себе, что уж тут скрывать.

И он тяжело вздохнул, ещё раз почесав лысину.

– Мы с женой идём в Сенкчуари, – сказал я. – И могли бы отправиться вместе с вами если и нам, и вам по пути конечно. А там, в посёлке можно было бы нанять охрану для вашего каравана. За разумную плату, разумеется.

– Да, нам нужно в том же направлении. Но обычно мы проходим южнее, по остаткам дороги мимо старинного кладбища и не доходя Конкордата поворачиваем восточней. Дальше ещё пять миль по полям, а там уже и наша ферма, – ответил Эббот. – Но путём, который предлагаете вы мы ещё ни разу не ходили и всем нам придётся положиться на вас и ваши умения, мистер Стюарт.

– Понятно, – кивнул я в общих чертах смекнув, о какой ферме он говорит. – Я намеревался пройти одной неприметной тропкой и во второй половине дня мы уже были бы в Сенкчуари. С вами нам придётся идти по старому шоссе, а это лишний крюк в пару миль. Но не беспокойтесь, – поспешил добавить я видя, как расстроился Эббот, – мы пойдём вместе. Просто постарайтесь двигаться быстрее, повнимательней поглядывайте по сторонам и держите оружие наготове. И ещё, если начнётся какая-нибудь заваруха, прячьтесь за телеги и старайтесь не попасть мне в спину, когда будете стрелять. О-кей?

– Я понял, – кивнул фермер. – Я скажу людям, что бы смотрели в оба и не расслаблялись. Будем надеяться, что всё пройдёт благополучно.

– Тогда пора выдвигаться. Мы с Норой пойдём впереди, вы немного погодя трогайтесь за нами. Старайтесь двигаться так, что бы не потерять нас из виду.

Эббот кивнул и зашагал к повозкам отдавать распоряжения своим людям. Мы же направились к развалинам домов, за которыми проходило старое разбитое шоссе, где когда-то, очень-очень давно тысячи машин, блестя яркой краской на своих покатых боках стремительно уносились в дальние дали.

– Ну так почему почему тебя называют «Сталкер»? – спросила молчавшая во время нашего с Эбботом разговора Нора.

– О, это отдельная история, – улыбнулся я. – Это мне один взбалмошный старикан прозвище прилепил, я говорил уже. Он же кстати и комбинезон этот мне подарил, – я постукал кулаком по нагрудной пластине, зашитой в несколько слоёв чёрного сверхпрочного тварона. – Он вообще экземпляр редкостный, дедок этот самый. Начать с того, что я никак не могу понять, сколько ему лет. Те, кто знали его раньше рассказывали, что он появился в Бостоне лет двадцать-двадцать пять назад и уже выглядел так же, как и сейчас. А некоторые говорят,

что он тут вообще чуть ли не с самых первых времён после войны. Если же учитывать, сколько лет мы с тобой провели в морозильнике в том проклятом убежище, то это, знаешь ли...

– Понятно, – кивнула Нора. – Но почему он тебя так назвал? И откуда он?

– Он утверждает, что пришёл сюда, к нам из другого мира.

– Даже так? – удивлённо подняла брови Нора, улыбнувшись уголками губ.

– Угу. Я же говорю, дед тот ещё оригинал и это очень мягко сказано! Сам он русский, говорит, что в том мире, откуда попал сюда существует какая-то «Зона». Отгороженная от всего остального мира и где не действуют привычные нам законы физики, она однажды по неведомым причинам поглотила одну атомную станцию с близлежащим городом и окрестностями. Там якобы происходят разные загадочные и необъяснимые явления, где каждый неосторожный шаг, одно неверное движение может стать для человека последним. Говорит, что там полно всяких, почти не видимых глазу искажений пространства, которые он называет «аномалии», попав в которые тебя может запросто разорвать на части, или ударить молнией, или мгновенно испепелить жарким пламенем прямо из воздуха.

– Обалдеть просто, – улынулась Нора. – А эльфов с орками там нет? Ваш старик действительно большой оригинал.

– Это да, – кивнул я. – Так вот, тех смельчаков, которые ходят в «Зону» за добычей, а найти там по его словам можно порой просто удивительные вещи, называют сталкерами, а добычу – хабар.

– Хабар? – переспросила Нора.

– Да, хабар. В общем, дед этот про свою «Зону-матушку», как он её называет, может болтать часами. Особенно когда подопёт малость. Понятное дело его мало кто слушает – что ещё можно ожидать от ополоумевшего старика! Но... Вот комбез этот именно он мне подарил после того, как я помог ему в одном деле. Мы с ним примерно одного роста и телосложения, он только сутулится от старости. И ты посмотри, – я распахнул полы плаща и поветрелся перед Норой, – ты вообще такой где-нибудь видела?

– Ну, я вообще не очень-то много военного снаряжения в своей жизни видела, – возразила Нора. – Так что мне твоя одежда ни о чём не говорит. Да, комбинезон необычный, но кто знает – может он его нашёл где-нибудь? На одной из заброшенных военных баз к примеру.

– Может быть, – кивнул я. – Но видишь ли, в чём дело... Ты же помнишь, какой я фанат оружейный? Вот. И до войны я ради общего развития изучал тему различного защитного снаряжения разных стран для армии, полиции, спецназов там всяких, наёмников... И ничего подобного, – я снова похлопал ладонью по груди, – я нигде не видел.

– Может секретная разработка какая-нибудь, – пожал плечами Нора.

– Может, – не стал спорить я. – Ладно, будем как-нибудь в Добрососедстве, я вас познакомлю. Сама посмотришь, что за фрукт, Старик этот.

Дальше мы шли какое-то время молча. Я оглянулся проверяя, идут ли за нами фермеры. Увидел у дальних развалин, которые мы с Норой недавно миновали силуэты шагающих быков и фигурки людей, кивнул и отвернулся.

– О Шоне думаешь? – сказал я видя, как Нора хмурится, погружённая в свои мысли.

– О чём же я могу ещё думать, Нейтан, – тяжело вздохнула она. – Где он сейчас, наш мальчик, жив ли...

– Жив, обязательно жив, я уверен в этом. Просто, сколько ему сейчас лет может быть, как ты считаешь?

– Ого... Я как-то не думала об этом... А мы сколько лет в криокамерах провели?

– Я не могу тебе на этот вопрос точно ответить, – покачал я головой. – Нужно будет во всём этом ещё разбираться. Люди, которые выжили после Великой Войны, далеко не сразу стали вести летоисчисление. И причём порой доходило до абсурда: в разных поселениях вели

отсчёт совершенно по разному, приурочивали начало календаря к какой-нибудь с их точки зрения знаменательной дате – и всё, здравствуй новая эпоха!

Нора улыбнулась, а я вздохнул с облегчением видя, что любимая отвлеклась от тяжких дум о нашем пропавшем сыне. Дело в том, что всё время начиная с того самого момента, как мне удалось покинуть «гостеприимные» стены Убежища 111 и как-то найти своё место в этом новом для меня мире я искал сына. Искал постоянно и упорно, не жалея ни себя, ни других. Регулярно в процессе поисков влипал в различные истории, со счастливым концом и не очень. Завёл массу новых знакомств, как полезных, так и не очень. И волей-неволей, сам того не желая став матёрым убийцей ухитрился угробить массу народа, как откровенных мерзавцев, так и не очень. При всём при этом как-то удалось выжить самому, хоть за мою голову многие готовы были бы заплатить весьма и весьма высокую цену. Даже сейчас.

Мы шли мимо навевающих тоску, заросших кустарником остатков разрушенных домов, облезлые стены которых торчали по обе стороны дороги. Дул лёгкий ветер, гоняя пыль и шевеля ветви кривых, покорёженных радиацией деревьев. Когда на горизонте показался силуэт многоярусного скоростного шоссе, чьё дорожное полотно зияло многочисленными провалами, я остановился и повернулся к Норе:

– Всё, привал. Давай фермеров подождём, там дальше место одно есть, очень удобное для засады. Непокойно мне что-то.

– Давай подождём, – кивнула Нора, усаживаясь на иссохший ствол поваленного дерева, лежавшего у дороги.

Я стянул с плеча рюкзак и положил его вместе с Нориной сумкой у её ног. Скинул через голову ремень висевшей поперёк груди винтовки и прислонил к бревну. Винтовка у меня знатная – «Штайр А-3» в компоновке «буллпап», калибра «308». Из моих, ещё довоенных запасов.

Незадолго до ядерной атаки мы с Норой переехали в Сенкчуари, живописный уголок на северо-западной окраине Бостона, где и появился на свет наш с ней сынишка, Шон. Как потом оказалось, неподалёку от нашего района, в котором проживало с полсотни семей главы которых ездили на работу в деловой центр, среди лесистых холмов корпорация «Волт Тэк» строит бомбоубежище. Одно из многих, что были тогда, да и теперь разбросаны по всей стране... Однажды на заднем дворе нашего дома, долго перед этим собираясь и настраиваясь я взял, и собственноручно выкопал – забетонировал небольшой бункер, рассчитанный на трёх человек. Ну, бункер – это, конечно, очень громко сказано, скорее это был просто глубокий подвал, пятнадцать футов в длину и десять в ширину, с толстыми бетонными стенами и прочным потолком. Само собой он не был рассчитан на прямое попадание ядерной боеголовки, далеко нет, но всё же... В те времена многие, охваченные «ядерной лихорадкой» жители Америки строили, ну или пытались строить свои личные бомбоубежища. У кого-то это получалось лучше, у кого-то хуже, но увлечение этим делом носило массовый характер. Строили кто во что горазд, строительные компании-подрядчики тогда просто озолотели на частных заказах. Вся ирония в том, что мало кому удалось всерьёз воспользоваться своими личными убежищами, а для большинства пытавшихся в них спастись они вообще стали семейными склепами и братскими могилами.

Уже тогда прекрасно осознавая всё выше сказанное я в своём «бункере» оборудовал просто довольно богатый схрон, набив его оружием, снаряжением, инструментами, боеприпасами и другими различными полезными вещами, которые могли храниться долгое время и пригодиться впоследствии. Я не стал заморачиваться и ломать голову над выбором оружия, которое собирался хранить и остановил свой выбор на полуавтоматических винтовках «FR-15» калибра «5,56» в количестве пяти штук, пяти «А3», трёх полуавтоматических дробовиках «Керингтон» двенадцатого калибра и полудюжине пистолетов «Хадсон Н-9» калибра девять миллиметров «люгер». Потом подумал хорошенько и прикупил до кучи три пистолета производства «Спрингфилд Армори» в калибре «45». Куплены были не самые дешёвые образцы

огнестрела, скажу я вам, особенно применительно к пистолетам. Тем более если сравнивать с дешёвыми поделками компании «Вест Тэк», буквально наводнившей оружейный рынок своей продукцией перед самой войной. Закупил прицелы, фонарики подствольные и обычные ручные, батарейки к ним, ножи, кучу запасных магазинов к оружию, средства для чистки. От души затарился патронами всех самых ходовых калибров. Венчала всё это великолепие красotka «Баррет» калибра 50BMG, правда в единственном экземпляре – уж больно дорогая была зараза, так же, как и патроны к ней. Потратился тогда на всё изрядно, и это ещё очень мягко сказано. Закончилось это дело тем, что Нора устроила мне крепкую взбучку за неоправданную с её точки зрения растрату бюджетных средств и потом ещё несколько раз припоминала мне эту затею с бункером. Как правило в моменты обострения наших с ней отношений.

В последствии запасы из этого самого схрона, который к счастью так никто и не обнаружил за многие годы, его не затопило и потолок у него не обвалился, очень сильно мне пригодились. В особенности тогда, когда я выбрался на поверхность из Убежища 111. Там я провёл много лет в состоянии криостазиса, в который заботливые сотрудники «Волт Тэк» погрузили напуганных и ничего не понимающих людей. Едва-едва не попавшие под первые ядерные удары и считавшие, что выиграли счастливый билет на новую жизнь попав в число избранных, прошедших отбор на роль резидентов убежища они искренне радовались тому, что их окружают надёжные стены Убежища 111... Так же думали и мы с Норой. Как же жестоко тогда все ошиблись! Убежище, предназначенное для того, чтобы в своих, выложенных из армированного бетона стенах спасти человеческие жизни, стало высокотехнологичной братской могилой, глубоким склепом, где нашли свой конец десятки людей, доверивших свою судьбу корпорации «Волт Тэк». Что произошло тогда, для чего на самом деле предназначалось всё то научное оборудование, которым это убежище было буквально напичкано, остаётся неясным до сих пор. По крайней мере для меня уж точно – я в тот момент был в слишком плохом состоянии, что бы что-то здраво оценивать и взвешивать. Моей единственной целью тогда было во что бы то ни стало выбраться на поверхность и добраться до дома, если от него ещё хоть что-нибудь осталось. Так думал я тогда, на что и потратил все свои силы, добившись в конце концов желаемого. Если вдуматься, то мне просто невероятно, несказанно повезло. Вашему покорному слуге точно настал бы конец, если бы не найденный на превратившемся в иссохший скелет трупе сотрудника «Волт Тэк» исправный «Пип-Бой 3000» с покрытым паутиной трещин экраном и не до конца разряженной батареей. С его помощью мне удалось активировать систему управления лифта и гермозатвора на выходе. А так сидеть бы мне веки вечные глубоко под землёй, до тех самых пор, пока и меня не настигла бы участь всех, кто находился тогда в убежище.

Пока Нора отдыхала, сидя на бревне и вытянув свои стройные ноги, обутые в красивые сапожки из коричневой кожи, а я копался у себя в рюкзаке, готовя кое-что интересное, караван фермеров наконец достиг того места, где мы их ждали. Как только повозки остановились, с передней спрыгнул Эббот-старший, поправил съехавшую на лоб шляпу и направился к нам, держа в руке охотничью винтовку с оптическим прицелом. Следом за ним подошёл Кaleb и встал рядом с отцом, сжимая шейку приклада своего карабина и с самым серьёзным видом поглядывая по сторонам. Со стороны было хорошо заметно, насколько парень напряжён. Но взволнованным или напуганным он не выглядел, скорее решительным. Молодец, что скажешь.

– Проблемы? – спросил Эббот глядя, как я раскладываю на обломке бетонной плиты свои «игрушки».

– Пока ещё нет, – отрицательно мотнул головой я. – Но не хотелось, что бы они появились, да ещё тогда, когда мы ожидать не будем. Мы уже преодолели треть пути и вот там, – я указал в сторону видневшейся вдалеке эстакады, – очень удобное место, что бы устроить засаду. Там дорога проходит как раз под опорами, с двух сторон зажата высокими склонами. Обойти проблема – слева во все стороны на много миль тянутся болота, справа развалины

старой промзоны. Дороги там нет, ну и водиться может всякое. Да вы и сами всё знаете, вы же по этой дороге в Даймонд Сити шли? Ну вот. Так что путь только один, под эстакадой.

– Что предлагаете делать? – Эббот заметно напрягся по поводу возможной заварухи со стрельбой. Да оно и понятно – дома жена беременная, а тут такое. Кто хочешь напряжётся, что ж тут странного.

– Сейчас я запущу «стрекозу», посмотрим сверху на то место. А там видно будет.

Фермер ничего не ответил, но было заметно, что ему очень интересно, что же я такое задумал. Калёб то же перестал напряжённо глазеть по сторонам и теперь наблюдал за моими манипуляциями. Глаза его горели от любопытства, а вся напускная серьёзность враз улетучилась и он сразу превратился в обычного деревенского мальчишку-подростка.

Я же тем временем извлёк из рюкзака небольшой пластиковый кейс, внутри которого на поролоновой подкладке лежали четыре миниатюрные машинки, внешне сильно смахивающие на обычную стрекозу. Нет, не на тех стрекоз, которые живут сейчас на болотах, достигают размаха крыльев более четырёх футов и охотятся на крыс-мутантов, а на обычную стрекозу, маленькую, величиной с ладонь. Таковую, какие водились ещё до войны. Каждая из моих «стрекоз» была оснащена миниатюрной видеокамерой высокого разрешения и управлялась с помощью пульта двумя джойстиком. Почти таким же, с помощью которых раньше управляли своими летающими штуками разные авиамodelисты-любители. Изображение с камеры выводилось на экран моего «Пип-Боя», подсоединённого к пульта управления «стрекозами». Уверенная дальность полёта у моих игрушек составляла до трех с половиной миль, что позволяло провести разведку местности, находясь при этом на достаточно удалённом расстоянии от возможного противника. Откуда у меня всё это, спросите вы? А я вам отвечу, что это долгая история и я расскажу её позже, когда мы наконец доберёмся до дома, где в безопасности и относительном комфорте куда как приятнее травить разные байки и рассказывать истории из прошлого, чем на заброшенном шоссе посреди пустоши, полной всяких опасных опасностей.

Раскрыв кейс, я извлёк на свет божий одну из «стрекоз» и протянул её Норе:

– Милая, поддержи пожалуйста эту штуку, только аккуратно. Положи на раскрытую ладонь крылышками вверх, да, вот так... Ага, я сейчас...

Нора аккуратно приняла из моих рук хрупкий на вид аппарат, хотя на самом деле «стрекозы» были сделаны из сверхпрочных материалов и положила на раскрытую ладошку, как я и просил. Мог бы запросто запустить её и с земли, но мне хотелось устроить небольшое представление для Норы и наблюдавших за мной фермеров. Я же тем временем, подтянув повыше рукав плаща, отстегнул и снял с руки свой «Пип-Бой 3000» модели «4», вызвав возгласы удивления и восхищения у фермеров. Оно и не удивительно – достать сейчас работающий персональный компьютер, который был когда-то до войны самым массовым и популярным и производился огромными партиями компанией «РобКо Индастриз», если и можно было, то просто за астрономическую сумму. Мне же мой достался совершенно бесплатно, причём в варианте исполнения, которое предназначалось для военных – в ударопрочном корпусе тёмно-зелёного цвета, с закрывающей экран защитной крышкой и усиленными креплениями на руку. Расколотое и треснувшее во множестве мест стекло на экране только пришлось заменить, но в мастерских Братства это не оказалось большой проблемой. По какой причине военный «Пип-Бой» оказался среди предназначенных для убежища компьютеров я, честно говоря, и предположить не берусь.

Вытянув спрятанный в углублении корпуса шнур с универсальным разъёмом, я подсоединил пульт от «стрекозы» к компьютеру. Положив «Пип-Бой» на крышку кейса, взял в руки пульт и мягко тронул один из джойстиков. И тот час «стрекоза» на ладони у Норы ожила, застрекотала крылышками и резким рывком взмыла вверх, быстро набирая высоту. Фермеры, позабыв про всё на свете и как один раскрыв рты в немом восхищении, наблюдали за её полётом. Шоу явно удалось. Я же сосредоточил всё своё внимание на экране компьютера, на кото-

ром сейчас земля быстро удалялась и были видны сверху фигурки людей и быков, запряжённых в нагруженные повозки, которые сверху были похожи на раздутые с боков коробки, которые перетянули верёвками. Нора присела на корточки рядом со мной и мы вместе стали наблюдать, что же нам показывает камера, закреплённая на брюшке «стрекозы». Подняв наш микро-беспилотник на достаточную высоту, что бы его невозможно было заметить с земли, я перевёл «стрекозу» в горизонтальный полёт и вскоре изображение с камеры показало нам проплывающие внизу остатки древнего скоростного шоссе.

– Та-ак, а это что у нас там такое? – прошептал я увидев нечто, весьма меня заинтересовавшее. – Кто это у нас там прячется?

Я приблизил изображение, картинка стала подрагивать, но чёткости всё равно хватало, что бы разглядеть людей, засевших за зияющей прорехами оградой эстакады и за большими валунами сбоку от дороги.

– Ха, вот они, голубчики! – воскликнул я. – Нора, ты видишь? Тёплый приём нам готовят, засада по всем правилам бандитского искусства! Так, сейчас... Сколько же вас там спряталось?

Я тронул левый джойстик и «стрекоза» зависла на одном месте.

– Один, два... Так, пятерых вижу.

– Я семерых насчитала, – сказала Нора.

– Где? А, вижу! Я тех двоих за колонной не приметил. А ты молодец у меня, глазастая! – похвалил я жену.

– Сама знаю.

Я сделал снимок и направил «стрекозу» назад, к нам.

Упаковав своё оборудование обратно в рюкзак, я повернулся к фермерам:

– Ну что, джентльмены, как вы уже поняли, впереди нас поджидает таки засада. Мои подозрения полностью оправдались.

– Да, но как они узнали, что мы пойдём именно по этой дороге?

– Да как угодно, вариантов масса, – пожал я плечами. – Вы же работников по барам погулять отпускали? Так вот эти, – я кивнул в сторону эстакады, – вполне за стаканом виски могли вызнать, какой караван куда направляется. У разных рейдерских шаек в каждом анклавe всегда есть свои люди, занимающиеся сбором информации, осведомители. Вот и с вами скорее всего получилось что-то в этом же духе, винить здесь некого.

– Как будем действовать? – спросил Эббот, решительно перехватив свою винтовку, но в его голосе явственно проскальзывало напряжение.

– Конкретно вы и ваши люди сейчас «действовать» никак не будете. Вы отведёте свои повозки вон туда, к тем развалинам и займёте там оборону. Вокруг открытое пространство, ярдов на пятьсот во все стороны всё просматривается и простреливается. Это вся ваша задача на данный момент.

– Не хотите же вы сказать, мистер Стюарт, что собираетесь воевать с целой бандой в одиночку? – нахмурил брови Эббот.

– Собственно воевать я с ними как раз не собираюсь, – покачал я головой. – Я намерен их просто уничтожить. Эти отбросы недостойны того, чтобы отравлять своим существованием этот и без того изгаженный мир.

Немного пафосно прозвучало... или нет?

Старший и младший Эбботы переглянулись между собой, а Нора посмотрела на меня так, как будто видела меня впервые. Да по сути так оно и было. Я давно уже не тон Нейтан Стюарт, весёлый и добродушный молодой человек, за которого она когда-то вышла замуж. Готовый прощать ближним и с пониманием относившийся к человеческим слабостям, старающийся видеть в каждом только лучшую его сторону и всегда готовый с открытой душой помогать людям в решении их проблем. Нет, я давно уже не такой, совсем не такой. Хотя надеюсь, что где-то в глубине моей души, под заглубившей оболочкой бесстрашного воина пустоши,

безжалостного убийцы и истребителя всякой нечисти, мешающей жить обычным людям сохранилась частичка того Нейтана, которого однажды полюбила Нора. Нам с ней предстоит ещё снова протоптать тропинку к сердцу друг друга и я надеюсь, что так оно и будет. Я не хочу снова её потерять, как уже потерял однажды.

– Всё господа, занимаемся каждый своим делом, – поторопил я фермеров. – Дорогая, отойдём немного.

Мы прошли несколько десятков ярдов и укрылись в развалинах дома, от которого остались одни только щербатые кирпичные стены первого этажа, а всё остальное лежало вокруг в виде груд щебня, осколков кирпичей и переломленных балок. Там я присел на половинку бетонной балки межэтажного перекрытия, лежащую у стены, потянув Нору за собой.

– Так милая, теперь мы с тобой напарники. Я сейчас по большой дуге обойду этих гавриков и зайду им в спину. Нападения они оттуда не ожидают, караван ждать уже устали, расслабились, носами клюют. Вот и возьму их тёпленькими.

– Ты их будешь убивать? – вопрос не в бровь, а в глаз.

– А как иначе, – развёл я руками. – Прости дорогая, но в том мире, где мы с тобой сейчас находимся по-другому пока не получается. Судов нет, адвокатов то же. Все вопросы как правило решаются на месте, причём в основном радикальными методами. Так что... сама понимаешь. Твой диплом юриста ещё очень не скоро сможет пригодиться. Если вообще когда-нибудь...

– Я не в упрёк тебе говорю, мне до судьбы каких-то там бандитов нет никакого дела, – перебила меня Нора. – Я спрашиваю, что бы знать, как действовать мне.

– Что значит: «действовать мне»? – напрягся я. – Ты ждёшь меня здесь и караулишь наши вещи, не забывая внимательно смотреть по сторонам. Вот и все твои действия!

– Нет, я иду с тобой.

И что бы подкрепить свои слова делом, она вытащила из-за пояса пистолет.

– Но... Подожди, так не пойдёт! – от такой её выходки я оторопел и не нашёлся сразу, что и возразить.

– Не спорь, я всё равно пойду с тобой стрелять бандитов.

– Рейдеров, машинально поправил её я.

– Ну или рейдеров, какая разница, – равнодушно пожала плечами Нора. – Всё равно очень скоро все они умрут.

Я смотрел на свою жену и не знал, что мне и думать. Я совершенно не узнавал её – где та спокойная, уравновешенная, добрая, но волевая и при этом страстная в постели, как дикая кошка молодая леди с дипломом юриста? Где?! Её нет! Передо мной стоит валькирия в бежевом пальто, со льдом во взгляде и с моим «Хадсоном» в правой руке, на полном серьёзе собирающаяся хладнокровно отстреливать рейдеров на заброшенном шоссе. С такой интересной стороны я свою жену увидел впервые! Хотя... Если принять во внимание то, что я совершенно не в курсе, что же с ней на самом деле произошло тогда, в убежище, после того, как скотина Келлог выстрелил ей в грудь на моих глазах... Ещё одна загадка, которую предстоит разгадать. И я очень надеюсь, что на сей раз мы сделаем это вместе.

– Ты уверена? – только и оставалось, что спросить мне.

– Да, я уверена.

Она подошла и обняла меня одной рукой за шею, держа на отлёте в другой пистолет. Заглянула в глаза и промурлыкала сладко, как она это умела и всегда делала, когда хотела добиться от меня чего-то:

– Зайка, не беспокойся, всё будет хорошо. Ведь правда?

И что мне оставалось делать, позвольте вас спросить?

– Ладно, – тяжело вздохнул я. – Только держись за моей спиной, не высовываешься и делаешь только то, что я скажу, о-кей?

– Ладно-ладно, как скажешь, милый.

Ну вот, опять! Вот так она всегда добивается своего! А что остаётся делать, спросите вы? А я отвечу: любить её, любить всем сердцем. А больше мне ничего и не нужно. Я ещё раз вздохнул и принялся готовиться к бою. Хотя я и храбрился перед фермерами, «держу марку» и изображая крутого парня, я далеко не дурак и сломя голову под пули не полеку. Тем более в компании с Норой за моей спиной. Не-ет, мы пойдём другим путём. Придётся ещё раз воспользоваться кое какими моими «игрушками».

Первым делом я достал из чехла, пристёгнутого сбоку к рюкзаку свой защитный пуленепробиваемый шлем с глухим забралом, по бокам к которому должны были подсоединятся шланги системы дыхания замкнутого цикла. Но сейчас разъёмы были закрыты заглушками. Шлем этот – вообще просто замечательная штука. Жизнь мне спасал неоднократно, как и дарённый комбинезон, который сейчас на мне. Подобные «элементы гардероба» используют рейнджеры из пустошей юго-запада. Следующим номером на свет божий появился «глушитель», или «ПБС», как называет такие штуки на свой русский лад Старик. Несколько уверенных движений – и чёрная алюминиевая труба навинчена на ствол, а магазин в винтовке заменён на другой, набитый «дозвуковыми» – патронами с утяжелёнными пулями и с уменьшенной навеской пороха. Дав подержать шлем Норе, я стянул с себя плащ, скатал его и запихнул в рюкзак. Потом забрал шлем обратно и водрузил себе на голову. Вытянул спрятанный в специальном гнезде возле запястья проводок в металлизированной оплётке, идущий внутри рукава по швиту пеналу до самой шеи, и воткнул круглый штекер в соответствующий разъём на «Пип-Бое». Другой конец провода, торчащий из-под воротника, подсоединил к шлему. На внутреннем экране высветился тактический интерфейс, система услужливо сообщила, что все встроенные в шлем технические устройства функционируют в штатном режиме, нарушений не выявлено. Посмотрел на Нору – та с интересом меня разглядывала, ожидая, когда я закончу свои приготовления. Я наверное сейчас в её глазах забавно выгляжу во всём этом, надетом на мне снаряжении.

Ну вот, всё готово, можно начинать. Я повернулся к Норе и стараюсь придать голосу как можно больше твёрдости, произнёс:

– Так, выдвигаемся. Ты держись за мной и двигаешься след в след стараюсь не шуметь, понятно? При этом внимательно смотри по сторонам и прикрывай мне спину. Увидишь кого – стреляй не думая, друзей и случайных прохожих здесь нет. О-кей?

Увидев утвердительный кивок Норы, я повернулся к ней спиной и двинулся вперёд, раздвигая своим телом кусты, скрываясь в тени развалин, обшарпанные стены которых укрывали нас до поры от посторонних взглядов. Пустошь вокруг нас жила своей собственной, загадочной и таинственной жизнью, ни коим образом не зависящей от наших желаний и устремлений. Шумел ветер, шевеля высокие стебли пожухлой травы, гонял пыль и песчаные крупинки по покрытым сетками трещин остаткам асфальта, где-то вдалеке время от времени заводил свою унылую песню одинокий койот. Уже прошло очень много лет с того момента, как человек окончательно перестал являться полновластным хозяином окружающей его природы. По собственной вине, по собственной, не имеющей никаких пределов жадности и по столь же безграничной глупости он потерял всё и вся. Вот и влачит теперь жалкое существование убогое существо, растратившее и просравшее всё, что на поверку оказалось таким дорогим и милым его сердцу, по стародавней, крепко укоренившейся привычке продолжая необоснованно считать себя венцом творения. Которым он, если перестать кривить душой, и не являлся никогда. Пытается собрать на руинах погибшей цивилизации жалкие крохи своего бывшего величия, ага. В основном всё больше тщетно. Тьфу!

Мы почти миновали цепочку поросших чахлыми кустиками и редкой травой холмиков, бывших когда-то руинами разрушенных ударной волной домов, когда впереди показались причудливые конструкции древнего многоярусного шоссе, искалеченным бетонным исполином

возвышающегося над окружающей пустошью. Дальномер на дисплее внутри шлема показывал, что до места, где засели разбойнички-бандиты от нас сотня ярдов с копейками. Пора переходить в стелс-режим. Я повернулся к Норе, которая надо сказать на удивление правильно себя вела как напарница в нашем с ней общем деле на данный момент. Грамотно двигалась среди развалин практически не издавая шума, так что пару раз я даже оглянулся проверяя, идёт ли она за мной. Останавливаясь она умело использовала укрытия, контролируя свой сектор и не забывая поглядывать назад. Пистолет держала правильно, уверенно, не тыкая стволом мне в спину и не размахивая оружием из стороны в сторону. Нет, мы и раньше с ней частенько, особенно пока не родился Шон, выезжали на пострелушки в тир или на загородное стрельбище, где всю палили по мишеням из разного рода стреляющих штуквин. Нора относилась к той редкой породе женщин, которые ничуть не боятся оружия, а некоторые из них так и вовсе вполне серьёзно увлекаются стрелковым делом и всем, что связано с оружейной тематикой. Нора была где-то посередине, всерьёз «пушками» не увлекалась, но оружие любила и занималась им с удовольствием. Так же любила она пострелять. Но одно дело стрелять по неподвижной мишени в тире в спокойной обстановке и совсем другое красться среди развалин, когда адреналин бушует в крови и ты готов в любую секунду, не думая стрелять в людей на поражение, в ужасе ожидая ответной пули. И вот при всём при этом Нора вела себя на удивление спокойно, так, как будто всю жизнь только тем и занималась, что выслеживала разного рода ушлёпков, обитающих на радиоактивных просторах Пустоши. Офигеть!

– Так, милая, – обратился я к Норе. – Сейчас я дам тебе одну штуку и объясню, как ею пользоваться.

С этими словами я извлёк из кармана плаща плоскую коробочку с корпусом из алюминия, упакованную в брезентовый чехол с крышечкой и двумя маленькими переключателями под ней и протянул её Норе.

– Вот, смотри. Это личное маскировочное устройство, генератор модулированного поля в народе называемый «Стелс-Бой». Оно создаёт особое поле, которое преломляет свет таким образом, что создаётся эффект практически полной невидимости.

– Военная разработка? – спросила нора, беря у меня коробочку «Стелс-Боя» и разглядывая её с разных сторон.

– Да, но поздняя, их выпустили незадолго до Великой Войны. Когда я служил, у нас таких не было.

– И как им пользоваться?

– Так, сейчас... Смотри, вот этим зажимом закрепляешь его... ну вот здесь, на отвороте пальто и поворачиваешь вот этот рычажок – я скажу когда. После этого прибор активируется. Потом нажимаешь вот сюда – и всё, ты невидимка. У меня такой же, но заряда батарей сильно надолго не хватит, задействуем в самый последний момент, когда поближе подберёмся.

– Откуда у тебя всё это? – спросила Нора. – Все эти военные штуки?

– От Братства, – ответил я, закрепляя свой прибор на поясе.

– От какого братства?

– Милая, я потом тебе всё расскажу. Сейчас двигаемся, а то как бы нашим друзьям под эстакадой не наскучило там сидеть и они не решили выкинуть какой-нибудь фокус.

Я перехватил поудобнее винтовку и мы двинулись дальше, осторожно пробираясь среди камней и обломков бетонных плит, по большой дуге обходя место, где, как мы уже знали, находилась засада. Примерно с полчаса мы двигались таким образом и в конце концов очутились на верхнем ярусе скоростного шоссе, на краю обвалившейся секции с торчащими кусками ржавой арматуры, зайдя в спину поджидающим караван разбойникам.

– Включай прибор, – шепнул я Норе, активируя свой «Стелс-Бой».

Раздалось негромкое гудение и через секунду наши фигуры будто растворились в воздухе, совершенно сливаясь с окружающей местностью. Если сидеть неподвижно, то кто-нибудь

может пройти рядом и абсолютно ничего не увидеть до тех пор, пока из пустоты не прилетит пуля и не вопьётся ему в тело. Я потихоньку выглянул сбоку, из-за края крошащегося дорожного ограждения и огляделся. Так, что у нас тут... Ага, вот они, сидят родимые. Сверху мне прекрасно было видно, как за камнями возле дороги расположились поджидающие добычу рейдеры. А вот и давешняя троица, два парня и девушка. Рассредоточились вдоль обочины, старательно прячась в пожухлой траве. Особняком держатся, видно, что сработанная команда. Других впрягли в эту затею скорее всего решив, что сами они не справятся. За процент с награбленного. Вполне распространённая практика среди рейдеров. А вон и ещё двое, засели за опорами с двух сторон, чтобы взять огнём крест-накрест, как только караван втянется под полотно эстакады. Те же трое молодых, что в траве за камнями сбоку добавят, как только народ с телег спрыгивать начнёт. И ещё двое сидят наверху, на том ярусе, что проходит как раз под нами, за ограждением прячутся. Вот с этих я пожалуй и начну.

Так, что у нас по оружию? У молодых за камнями самодельные гладкостволки, у всех троих, такие же, как у Калеба. Если они в нашу сторону и начнут палить, то скорее всего хрен куда попадут, далековато для их пукалок будет. А вот мне отсюда в самый раз стрелять. У парней под эстакадой что? Ага, вижу, у одного нарезной охотничий карабин с продольно-скользящим затвором, двое с пистолетами сидят, с какими – не вижу отсюда. А вот у тех, что под нами, пушки посерьёзней уже будут: у обоих китайские клоны АК в руках. Старые, потёртые, но всё ещё весьма серьёзные машинки. Вот они-то нас с Норой достать смогут, если что. И если успеют. Но я им такого богатого шанса оставлять не собирался.

– Твои за колоннами. Вали сначала того, который с ружьём, потом остальных. Начинаем по моему выстрелу.

Воздух рядом чуть дрогнул, тихо прошелестела ткань – это Нора подняла пистолет и взяла злодеев на мушку. И опять я поразился её хладнокровию: не суетится, не мандражирует, не истерит по-женски и не задаёт глупых вопросов, а точно и чётко выполняет всё, что нужно, прямо как заправский командос. Да-а, стоило пережить ядерную войну и просидеть вечность в холодильнике, что бы узнать свою чудом воскресшую жену с новой, не известной доселе стороны.

Прогнав ненужные мысли из головы, я слегка перегнулся через край и взял на прицел первую жертву. Выдох, плавно потянуть за спуск... Винтовка глухо кашлянула, выплюнув тяжёлую пулю со стальным сердечником и послав её напрямик в покрытую затёртой и засаленной бейсболкой голову. Чмок! Красное облачко окутывает поражённую часть тела рейдера и он мешком падает на месте, враз лишившись верхней части черепа вместе с мозгами, или что у него там было вместо них. Простреленная бейсболка улетает в неизвестном направлении. Второй бандит оказался на редкость шустрым, видать опытный – вмиг развернулся на карачках, задрал кверху ствол своего потёртого АК и выскивая, откуда пришла угроза. Одновременно он попытался вскочить и уйти в сторону, но не преуспел в этом. Две пули настигли его, когда он уже почти оказался на ногах, прошив ему грудь навывлет. Рейдер завалился на спину, заливая покрытое трещинами дорожное полотно кровью. Не мешкая я перенёс прицел вниз, что бы помочь Норе и прижать троицу молодых рейдеров, но вот тут меня ждал сюрприз! В доли секунды выпустив по засевшим за колоннами бандитам шесть пуль по паре на брата и не промазав ни разу, моя жена мгновенно развернулась и направила оружие на тех, что залегли в траве у дороги. Бах-бах-бах! И снова попала! С такого расстояния! Я видел, как уткнулся в траву один, тот, который повыше, выпустив из мёртвых рук свой карабин. Услышал, как завизжала от страха девчонка, вскочила и бросилась бежать, в панике бросив своё оружие, но не пробежала и трёх шагов, как в спину ей воткнулись одна за другой три пули, свалив с ног. Она упала, чуть прокатилась по земле и замерла, раскинув руки. Оставшийся в живых рейдер внезапно осознав, что все товарищи полегли, а он теперь остался в гордом одиночестве и из охотника внезапно превратился в дичь, вскочил и паля в белый свет, как в копеечку ринулся сломя

голову прочь от разрушенного шоссе, в панике стараясь убраться подальше от этого страшного места, где уже вовсю веселилась смерть. Я повёл стволом винтовки, выцеливая быстро удаляющуюся фигуру, но тут над моей головой хлопнул выстрел, выброшенная гильза отскочила от моего рукава, а убегавший бандит споткнулся и замедлил свой бег. Я трижды нажал на спуск и парень рухнул как подкошенный, затихнув теперь уже навсегда.

– Все, что ли? – задал я риторический вопрос, водя стволом по сторонам в поисках опасности.

– Чисто, – совершенно по-военному ответила Нора. – Никого не вижу.

– Выключаем маскировку, – сказал я, глянув на индикатор заряда батареи.

Раздался щелчок и фигура Норы образовалась в шаге от меня прямо из пустоты. Я материализовался следом.

– Возьми, – протянула мне прибор Нора, держа в другой руке пистолет.

– Оставь себе. Домой придём – зарядим оба. Ты как?

– Нормально, – пожала плечами она, убрав «Стелс-Бой» в карман пальто. – Даже самой странно. Будто это я, и не я...

– Честно сказать, я охренел малость, когда ты стрелять стала – да как! Я очень сильно сомневаюсь, что сам так смог бы. Ты меня не перестаёшь удивлять, любимая.

– Я сама себе удивляюсь, да так, что даже боюсь, – призналась Нора. – Откуда всё это? Все эти умения... Всё как-то само собой получилось, я даже подумать ни о чём не успела, руки сами всё сделали. Когда, где я научилась так стрелять? И убивать так хладнокровно... У меня ведь даже руки не дрожат! И мне их не жалко, понимаешь?! Совсем не жалко! И знаешь что? Мне это даже понравилось! Боже, боже – кто я?!

И она, вдруг выронив из руки пистолет, горько зарыдала, уткнувшись лицом в ладони. Я поспешно стянул с головы шлем, не забыв выдернуть разъем из гнезда, бросил его к ногам, и шагнув к Норе обнял её, прижав к себе.

– Не плачь, милая, не плачь, мы же вместе, – шептал я ей, поглаживая её по волосам, а она всхлипывала у меня на груди. – Мы со всем справимся, всё одолеем... Всё будет хорошо, слышишь, я люблю тебя.

Так мы и стояли на шоссе какое-то время обнявшись и прижавшись друг к другу. Нора понемногу затихла, лишь изредка вздрагивала и вздыхала.

– Солнышко, нам пора идти, – я потихоньку разомкнул объятия и отпустил её. – Нужно проверить убитых и вернуться назад к фермерам.

– Пошли, – кивнула Нора и слабо улыбнулась. – Спасибо тебе Нейт, милый, я то же очень тебя люблю.

Она шмыгнула покрасневшим носом, вытерла кулачком глаза и подняла валявшийся под ногами пистолет. Обтёрла рукавом, перезарядила и засунула обратно за пояс. Я же поднял с земли шлем и снова водрузил его себе на голову. Мы спустились с эстакады сначала на нижний ярус, а после на землю и не спеша двинулись к месту избиения рейдеров.

– Не расслабляемся, – сказал я, держа приклад у плеча.

Ничего, никакого движения вокруг, только ветер колышет пожелтевшие стебли травы, заставляя их тихонько шелестеть.

Вот показались из-за обломка бетонной плиты ноги, обутые в стоптанные ботинки с ребристой подошвой, сделанной из старой крыши. Ещё шаг вперёд и вот уже весь владелец ботинок предстаёт перед нами. В весьма неприглядном виде, хочу я вам сказать. Чуть выше на камнях лежал второй, нелепо подогнув под себя руку и свесив голову меж двух крупных валунов. Кровь из простреленной груди медленно стекала вниз, собираясь в маленькую лужицу. Кап, кап... Вот так всегда: сегодня жив, а завтра жил... Эх, нелегка ты доля бандитская, непроста и тяжка ты жизнь рейдерская, всегда найдётся кто-то, кто захочет пустить тебе бедолаге кровь... И куда же бедному рейдеру податься? Только в Пустошь, туда, где иногда проходят

одинокие караваны, где богатенькие фермеры и торговцы везут так много вкусностей в своих коробах, гружёных на телеги с высокими бортами!

Ну вы мой сарказм поняли, надеюсь. Мерзавцы получили по заслугам и мне совершенно, абсолютно их не жаль. Столько времени прошло со времени Великой Войны, «тёмные века» полные ужаса, невыразимой жестокости и полнейшего беспредела уже миновали, жизнь во многих анклавах вполне налаживается. Опасные для людей мутанты и прочие разные кровожадные твари по большей части истреблены Братством Стали и поблизости от поселений в Содружестве если и появляются, то крайне редко, обитая по большей части в глубине пустошей на севере, на покрытых буйными зарослями радиоактивных руинах разрушенных городов. Работы, а значит и возможности жить вполне благополучно и сытно полным-полно в набирающих силу хозяйствах по всей округе. Там постоянно нужны рабочие руки. Но нет! Постоянно находятся те, кто пополняет собой разношерстную породу рейдеров, словно стаи бродячих собак шныряющих и кочующих по разрушенным районам Бостона и окружающей их территории штата. Временами эти дикие своры отморожков сцепляются между собой, успешно переживая собственное поголовье. Тем самым они сильно облегчают работу охотникам за головами. Таким, как я к примеру. Или наоборот, несколько банд объединяются для совместных действий и тогда всё – мама не горюй! Плачьте фермеры и прочие честные труженики, пришли по вашу душу.

Братство Стали по-настоящему, всерьёз защищает и контролирует только стратегически важные с их точки зрения объекты. Такие, как уцелевшие и восстановленные заново электростанции, промышленные зоны, не подвергшиеся тотальному разрушению или что иное, где хоть что-то, хоть какое-нибудь оборудование можно было восстановить и использовать. То есть места, где сохранились и уцелели остатки довоенных технологий, ресурсов или производств. До простых обывателей, мирных жителей пустошей им по большому счёту никогда не было никакого дела. Но в последнее время расклад сил на просторах Великой Пустоши несколько поменялся с появлением новых, быстро набирающих вес и авторитет организованных сообществ. И эти организации стоят того, что бы рассказать о них боле подробно.

Первые среди прочих равных, это Синдикат Наёмников с севера. Эти парни с первых же секунд внушали к себе уважение, без дураков. Не то, что растерявшие всякое доверие и обосравшиеся дальше некуда до полного, ниже плинтуса падения репутации Стрелки. Но всякие мелкие банды рейдеров гонять – для них только терять время и тратить ценные ресурсы размениваясь на мелочёвку, за истребление которой большого куша не получишь. Синдикату куда как выгодней заниматься организованной охраной крупных торговых караванов или держать форпосты на границе скоплений крупных фермерских хозяйств, оберегая их от всякого рода угроз извне за «долю малую».

Вторые по силе – это конечно же возрождённая из пепла, словно птица Феникс организация Минитменов. Минитмены служат для того, что бы отражать неожиданные атаки на поселения, случись такое, и сдерживать нападения крупных банд, пока наёмники не подтянутся с крупным калибром – вот их основная функция. А гонятся за отдельно взятыми головорезами по пустошам – это удел уже совсем других людей. Вот и занимаются рейдерами такие как я охотники за головами, работая в одиночку или маленькими командами, изредка объединяясь для уничтожения особо крупных банд. Братство поощряет подобную деятельность, со скидкой продавая охотникам оружие и боеприпасы на своих немногочисленных торговых точках, которые содержит в разных местах Содружества. Мне проще: являясь действительным членом Братства Стали в звании рыцаря я имею доступ к девайсам, получить которые для большинства других практически невозможно, что, как вы уже наверное успели заметить, здорово облегчает мне жизнь и выполнение моей работы. Как я стал тем, кем я стал, спросите вы? А я вам отвечу: а что мне, скажите на милость, оставалось делать? Чем было ещё заниматься человеку, волей судьбы заброшенному в мир, переживший ядерный апокалипсис? Причём спустя

много-много лет после его окончания? Задатков фермера во мне нет и никогда не наблюдалось, землю копать и скотину разводить я не люблю, да и не умею. И учиться не собираюсь. Мои попытки заниматься коммерцией, которые я предпринимал перед самой войной, никаких особенных прибылей мне не приносили тогда и уж тем более не принесли бы теперь. А вот боевые навыки, полученные ещё во время армейской службы и которые я постоянно стараюсь развивать, наоборот – весьма мнегодились, особенно после того, как я вылез наружу из того гребанного морозильника.

Осмотрев поле боя, а вернее – побоища, мы с Норой вернулись обратно к развалинам, где ошестинившись стволами и тревожно посматривая из-за телег нас ожидали фермеры. Я аккуратно выглянул из-за угла полуразрушенного дома и крикнул:

– Эй, обоз, не стреляйте! Это мы!

– Мистер Стюарт! Слава богу, вы вернулись! – долговязая фигура Эббота-старшего показала из-за телеги и направилась к нам. Позади отца смешно семенил Калеб, то и дело поправляя великоватую шляпу, всё время норовившую съехать ему на нос. Старую отцовскую, не иначе.

– Заждались? – улыбнулся я, подходя к Эбботу вплотную.

– Мы очень волновались, сэр, – сказал Калеб, голос которого мы услышали впервые за всё время нашего совместного путешествия. Отец глянул на сына и утвердительно кивнул.

– Всё закончилось довольно быстро, в основном благодаря... кхм... моей жене.

Фермеры с удивлением посмотрели на Нору, с лёгкой улыбкой на губах глядящую по косматому лбу одного из быков. Бык стоял, наклонив рогатую голову к земле и притихнув от удовольствия, что наблюдать было довольно-таки странно, учитывая буйный и независимый нрав этих животных, никого не признающих и обычно не дающих приближаться к ним вплотную никому, кроме их погонщиков.

– Тогда, я думаю, можно двигаться дальше – солнце уже высоко, а нам ещё предстоит преодолеть изрядный отрезок пути, что бы добраться до дома.

– Да, командуйте своим людям выдвигаться, мистер Эббот. Мы снова идём впереди вас. Только на сей раз держитесь поближе, а мы не будем сильно спешить.

– Я надеюсь, что запас засад на наш караван на сегодняшний день исчерпан, – скупно улыбнулся фермер, дотронулся двумя пальцами до полей своей шляпы и направился назад к телегам.

– Спасибо вам, сэр, мэ, – учтиво кивнул нам с Норой Калеб и поспешил вслед за отцом.

Мы проводили его взглядом и пошли обратно к разрушенному шоссе. Наш путь пролегал мимо места неудавшейся засады, где среди камней и пожухлой травы остывали тела сегодняшних неудачливых налётчиков. Скоро до них доберутся падальщики и от тел останутся только разбросанные, обглоданные кости да клочья разодранного и окровавленного тряпья. Хоронить я их не собираюсь, ещё чего не хватало! Я при Норе даже их карманы шмонать не стал. Хотя по правде сказать, чего там брать-то – гольтьба гольтьбой, да и только. Стволы – наверняка старьё, да ещё в добавок краденное. Да и не нужны они мне вовсе, пускай фермеры их забирают если хотят, им поди нужнее. По карманам шарить, как я уже сказал, при Норе я не буду, не знаю, как она отреагирует, не хочу рисковать. Эббот мужик правильный, наверняка отблагодарить захочет, хоть мне это и не обязательно. Я от Братства за уничтожение мелкой банды рейдеров, да ещё на месте преступления награду в любом случае получу.

Где доказательства работы, спросите вы? А я отвечу, что пока мы крались и воевали, стреляли и убивали, всё это безобразие снимала миниатюрная видеокамера, закреплённая на моём шлеме, и эти кадры я предоставляю на базе в качестве доказательства моих с Норой подвигов. Представляю, как будет ржать до слёз капитан Кейдж, оставшийся за главного в бостонском отделении Братства Стали после отбытия оттуда дирижабля «Придвен» с командером Макстоном на борту, когда узнает, что бандитов перестреляла практически в одиночку моя

неизвестно откуда взявшаяся жена, а я был всего лишь, как бы это правильно выразиться... на подхвате. Да что там Кейдж, весь персонал базы будет валяться со смеху. А, пофигу! Пускай смеются и ржут на здоровье сколько им влезет, меня это никак не трогает. Главное, что Нора со мной рядом, а всё остальное вообще пускай идёт лесом!

Видимо те, кто заседает в небесной канцелярии решили, что на сегодняшний день приключений на нашу долю достаточно и весь наш дальнейший путь прошёл на удивление гладко. Мы дошли до развилки старого шоссе немного не доходя Конкордата – небольшого пустующего и потихоньку ветшающего городишки к востоку от Сенкчуари. Там дождались, пока нас догонят фермеры и стали с ними прощаться. В награду за помощь Эббот-старший клятвенно обещал прислать через неделю целую телегу провизии в поселение. Что ж, посмотрим. На том и распрощались. Мы с Норой потопали дальше по растрескавшемуся асфальту шоссе, ведущего в гору, туда, где за холмом на острове посреди двух рукавов обмелевшей ныне речки находился наш дом.

Глава 2

Уже практически стемнело и на небесном куполе высыпали первые яркие звёздочки, когда впереди показался силуэт устремлённой ввысь ракеты, до сих пор украшавшей древнее здание заброшенной стоянки и заправки грузовиков «Рэд Рокет», отчётливо видный на фоне стремительно темнеющего неба.

– Дом, милый дом, – усмехнулась Нора, глядя на облупленные кирпичные стены и покосившиеся ржавые заправочные колонки.

– Да уж, – кивнул я, глянув на Нору. – Я то же когда после убежища в первый раз к посёлку подходил, боялся того, что там увижу. Мне казалось, что от Сенкчуари одни руины остались. Потом смотрю: ан нет – домишки стоят, обшарпанные только малость. Из всех домов только три окончательно развалились, остальные более-менее целы оказались. И наш дом то же уцелел.

– Правда?

– Угу, – кивнул я. – И Косворд до сих пор там.

– Да ладно? Наш домашний робот цел? – удивлённо вскинула брови Нора. – Не может быть... Как же он умудрился тогда спастись, да ещё потом сохраниться? Столько лет прошло...

– Когда прозвучал сигнал ядерной атаки, а мы сломя голову побежали в убежище он самостоятельно спустился в подвал. Заперся там, успел перевести свои энергоблоки в спящий режим и отключился, задав таймер обратного включения на длительное время. Благодаря этим манипуляциям электромагнитный импульс не выжег ему микросхемы и он спокойненько пролежал в глубоком подвале довольно много лет и так же, как мы в убежище, пропустил всё «самое интересное». После включился, вылез наружу да так и остался в нашем доме. Я его там и нашёл, он рад-тараканов гонял по участку.

– Удивительно, – покачала головой Нора не уточнив вопреки ожиданиям насчёт тараканов. – Просто удивительно.

Мы вышли к мосту через реку, на противоположной стороне которого сбоку от дороги высился монумент с табличкой, на которой ещё можно было прочесть полустёртую надпись: «Сенкчуари Хиллз». Когда мы только подходили к мосту, Нора увидела на той стороне реки знакомые силуэты домов, проступавшие из темноты и освещённые огоньками редких лампочек. Она сначала замедлила шаг, а после вообще остановилась, обхватив себя за плечи руками, зябко поёжившись и не отрывая взгляда от единственной улицы, проходящей через поселение насквозь. Представляю, каково ей сейчас! Я чувствовал себя немногим лучше, когда в первый раз после убежища увидел обшарпанные стены домов. Я обнял её, чмокнул в щёку успокаивая и мы зашагали через мост на другую сторону. От центра посёлка с небольшой площади доносились музыка, слышался многоголосый гул и смех, на ярко освещённом пятачке мелькали силуэты танцующих людей.

– А у вас тут... вернее у нас, – поправилась Нора, – весело я смотрю. Жизнь кипит вовсю.

– Да, народ после трудов праведных отдыхает. Телевидения нет, вот и развлекаются люди по старинке, с танцами.

В этот момент мы как раз приблизились к воротам, обшитым стальными листами, со сторожевыми постами по обе стороны створок. В ворота эти самые и упирался мост на этой стороне реки. В обе стороны от ворот уходил крепкий, достаточно высокий и увитый по верху ржавой колючей проволокой забор с несколькими сторожевыми вышками, охрана на которых была вооружена пулемётами. То, что они в поселении есть на вооружении – моя заслуга.

– О, а вот этого тут раньше не было, – сказала Нора, задрав голову кверху и разглядывая ворота.

Когда мы были ещё на середине моста с одного из постов по нам с Норой скользнул луч прожектора, а стволы пулемётов дёрнулись, поворачиваясь в нашу сторону. Но на посту меня сразу узнали, да и ещё я рукой помахал. Так что когда мы подошли вплотную к воротам, охрана была уже в курсе, кто же это к ним на ночь глядя пожаловал.

– Нейтан! – воскликнули на посту, на том, что был слева от ворот, если с нашей стороны смотреть. – Вернулся, бродяга! А мы уже без тебя тут скучать стали.

– Привет Струджес! Привет парни! – приветствовал я охранников, подходя вплотную. – Как у вас тут, что нового?

– Монтаж ещё одного ветряка как раз сегодня закончили, эвон народ празднует. – ответил один из охранников, Сэмпсон. – Ща сменимся и то же присоединимся!

– Успокойся Гомер, не газуй! Нам ещё час с лишним дежурить, – одёрнул его Струджес, открыв калитку в воротах и пропуская нас внутрь. – Присоединится он...

– Ха, да он пока тут на посту стоит, его Марта уже два часа там с молодыми парнями отплясывает! А может и не только отплясывает, – раздался насмешливый голос одного из охранников, сидящих в пулемётном гнезде наверху. – Извёлся уже поди весь, бедолага!

– Да ты... Да я... Заткнись Полли, не то я сейчас сам тебе пасть заткну! – сорвался на тонкий фальцет Сэмпсон, задетый походу за живое.

– А ну тихо все! – рявкнул Струджес. – Заткнулись оба, я сказал! Вы на службе пока ещё. Смена кончится – брешите сколько влезет. Даже можете подраться, если хотите. А сейчас замолчали.

И обратился к нам:

– Проходите, Нейтан, мадам.

Он с любопытством глянул в сторону Норы, пробежав взглядом по её фигуре, но никаких вопросов задавать не стал, а лишь запер за нами калитку. Сверху на нас с интересом поглядывали пулемётчики, вернее не на нас, а на Нору конечно. Кого это там Нейтан привёл? Что это с ним за красotka в бежевом пальто? Кто она ему? Любопытные, блин... Кто, кто... Жена моя – вот кто!

Впереди всё громче доносились звуки весёлой песни – Линда Картер кажется, многоголосый шум наполнял улицу, то и дело слышались взрывы смеха. У продуктовой лавочки старика Беннета, чьи ставни были сейчас открыты, а вывеска ярко светилась неоновыми огнями кто-то яростно брэнчал на гитаре, пытаясь исполнить что-то заковыристое, но получалось это дело у него откровенно хреново. Видимо, гитарист был к тому моменту уже изрядно «под мухой». Мы не стали приближаться к танцующим и веселящимся людям, а сразу свернули на дорожку, ведущую к нашему дому. К нашему счастью, строительный подрядчик, отстроивший в своё время Сенкчуари на материалах не экономил, а сработал на совесть построив добротные, крепкие дома по самым современным на тот момент технологиям. Предполагалось, что район заселят семьи с уровнем достатка выше среднего, ну и старались соответственно. Что бы избежать судебных тяжб и исков в будущем. По этой же причине и цена жилья слегка кусалась, но для тех, кто переехал сюда жить это было малозначительно. Людям, заселившим посёлок в то время заработки позволяли иметь такое жильё. Так же, как и нам с Норой.

И вот стоит он, наш дом перед нами, смотря подслеповатыми стёклами окон. Которые кстати помыть бы совсем не мешало. Хотя, чего привередничать – я когда после убежища сюда добрался, в окнах совсем ни одного стекла не заметил. Это всё потому, что их там вообще не было, а лежали они все, как одно в виде осколков разной величины на полу вперемешку с листвой, нанесённой в дом ветром через оголённые рамы.

Ну а сейчас дом выглядел несколько по иному, чем его запланировали строители. А именно: появились крепкие ставни на окнах, запираемые изнутри, стены до оконных проёмов первого этажа изнутри были заложены мешками с песком, а входная дверь была теперь из

стали, на толстенных петлях, снести которую можно было разве что подорвав взрывчаткой. Ну или из гранатомёта шамальнуть, как вариант.

– Ну вот, милая, мы и дома, – тихо сказал я, в то время как Нора разглядывала изменившийся фасад здания.

– Боже, Нейтан, что ты сделал с нашим домом – он похож теперь на Форт Нокс! – шутливо воскликнула она. – Или ты решил буквально воплотить в жизнь поговорку: «мой дом – моя крепость?»

– Ты не поверишь, родная, насколько ты сейчас близка к истине! – вернул я Норе её шутку. – Теперь все жилые дома – такие.

– Открывай уже, а то меня еле ноги держат.

Я шагнул к двери, доставая из кармана на бедре причудливой формы ключ, но меня опередили: изнутри раздалось негромкое гудение, будто за дверью разом работали несколько электромоторов, замок щёлкнул, лязгнув засовом и дверь перед нами распахнулась.

– Сэр, мои датчики уловили движение на лужайке перед домом, а после я узнал ваш голос! – воскликнул Косворд – а это был именно он, наш робот-дворецкий, выносящий на антигравитационной подушке своё круглое тело нам на встречу. – Но датчики показали два объекта... о, простите, сэр – я хотел сказать двух людей...

С этими словами он увидел Нору, когда я подвинулся, пропуская её в дом. Его круглый электронный «глаз» на тонкой штанге раздвинул диафрагму окуляра, точь-в-точь как глаз человека расширяется от удивления.

– О! Мэм... Миссис Стюарт, вы ли это? – только и смог сделать, как выдать из себя робот.

– Конечно это она, Косворд, – ответил я за нас обоих, закрывая дверь и снова запирая её на замок. – Не задавай глупых вопросов.

– Не ругай его, Зайка, – сказала Нора, подойдя к застывшему на месте роботу и погладив его по выпуклому, покрытому мелкими вмятинами и царапинами боку. – Как дела, Косворд? Как ты себя чувствуешь?

– Всё в порядке, мэм, благодарю за заботу! Все мои механизмы функционируют в штатном режиме, поломок и неисправностей не выявлено. Если вы интересуетесь состоянием данного жилища, то крыша не протекает, в стенах больше не наблюдается трещин и дыр... особенно после того, как мистер Стюарт заделал их все. Водопровод функционирует исправно, правда отопление не работает... но ведь ещё не сезон, не так ли? Или сезон...

– Какой водопровод, какое отопление, что ты несёшь, – устало прервал я робота, войдя в прихожую. – Трубы давно сгнили. Я воду из скважины домой таскаю. Вот юморист – водопровод у него цел! Как выдаст что-нибудь – хоть стой, хоть падай!

Я помог Норе снять пальто и присев стянул сапог сначала с одной её ножки, затем с другой. Потом обул её в маленькие парусиновые тапочки, которые берёт сам не знаю зачем. Вот берёт – и всё тут. Наверное, что-то чувствовал...

Затем я бегом спустился в подвал, щёлкнул рубильником на распределительном щитке и в доме весёлым, вносящим оживление светом зажглись электрические лампочки на стенах и потолке. А что же, община ныне вроде бы как процветает, уж на электричестве можно не экономить. Особенно после того, как пилоты Братства приволокли сюда на винтокрыле, подцепив тросами к брюху летающей машины мини-реактор. Запаса энергии в нём хватит, что бы питать поселение такого размера, как Сенкчуари лет этак двести или даже чуть дольше. Какими путями и с какими усилиями он, реактор этот самый мне достался, это отдельная история. Под него выкопали и забетонировали специальный бункер, поставив сверху сваренную из толстых железных листов будку, в которой находился терминал контроля и управления. Вторым такой же терминал – дублирующий, располагался в здании городского арсенала на южной оконечности городка.

А на кой тогда вам ветряки, спросите вы? А я вам отвечу: а зачем надеяться на один только реактор? К тому же мы собираемся в ближайшем будущем запитать электричеством все близлежащие фермы. А их не много – не мало, а целых десять штук в окрестностях наберётся, и которые мы вроде бы как обязались защищать от всякого рода агрессии извне. А они нас кормят взамен, самогонкой поят и выказывают всякого рода расположение. А дадим мы им электроэнергию в изобилии, так они нам вообще по гроб жизни обязаны будут и станут нас от радости в попу целовать и на руках носить. Ну до этого, в попу целовать в смысле, может и не дойдёт конечно, никто же не настаивает. Но суть ясна я думаю. Вот на все эти далеко идущие планы нашего реактора уже не хватит, и строим поэтому ветряки, и ставим на холмах вокруг, запитывая их в единую сеть. А потом уже потянем кабели к фермам. К двум уже ради эксперимента протянули – те рады по самое не могу.

Сами кабели не проблема – на железнодорожных путях в миле от нас навсегда застрял сошедший с рельсов товарный состав. Сойти то он сошёл, но не опрокинулся. Хорошо так застрял, прямо на выходе из туннеля. Тепловоз наружу торчит практически целиком, от сцепки отстегнулся, колёса в земле утонули, проржавел весь напрочь, а вот вагончики-то все внутри туннеля в тепле и сухости остались. Ну, насчёт тепла я конечно загнул малость, а так – да, сухо в тоннеле, сырость не скапливается, сквозняком продувает. Мы оттуда уже о-очень много полезного унесли, включая стальные листы со стенок вагонов, всё в дело идёт. Так вот, в двух железных вагончиках кабели, смотанные в бухты и везли. Там они сейчас и лежат, своего часа дожидаются. Стырить их некому, потому как во всей округе мы одни – самое крупное поселение с какой-никакой инфраструктурой. У нас и станки есть работающие, и люди в технике разбирающиеся. Так что всё будет о-кей.

– Но сэр, я явно слышал прошлой ночью шум в трубах и на кухне вода капала из крана! – вроде как возмутился робот, вернее изобразил возмущение.

– Косворд, успокойся, – вздохнул я, поднимаясь из подвала и вытирая руки. – Вода из крана капала, потому что я накануне ухода бак на чердаке под завязку залил, давление увеличилось, а прокладка в кране старая, менять пора. Вот и капает слегка. Понял?

– Да сэр, – произнесла наша домашняя железяка, развернувшись и удаляясь вглубь дома. – Если я вам понадобится – зовите, я буду у себя.

Я ничего ему не ответил. А как отвечать, если мягкие руки любимой крепко обняли тебя сзади, упругие округлости груди упёрлись в спину – я аж через плотную ткань почувствовал, а влажные губы жарким дыханием шепчут в ухо слова любви и ласки? Вжикнула застёжкой «молния» моего комбинезона, уезжая вниз, и ловкие пальчики уже пробрались в самое укромное место, чуть сжав то, что в этом самом месте обычно находится. Не до боли, нет, но до той сладкой истомы, от которой мгновенно перехватило дыхание, а содержимое укромного места быстро перестало уместаться в Нориной руке, поперев ввысь и вширь. Я повернулся к Норе лицом, найдя её губы своими и мы с ней слились в долгом и страстном поцелуе. А потом... Потом я подхватил жену на руки и понёс вверх, где в коридоре по оставленным на полу элементам одежды можно было проследить весь наш недолгий путь до спальни, перед закрытой дверью которой все следы обрывались.

Утро, наше счастливое с Норой утро началось – чего впрочем стоило ожидать, с того, что Косворд в своей традиционно бесцеремонной манере распахнул настежь дверь в нашу спальню и огласил на всю комнату:

– С добрым утром, сэр! С добрым утром, миссис Нора! Пора вставать! Дальнейшее пребывание в состоянии сна может пагубно отразиться на состоянии ваших организмов!

– М-м-м... Проклятый робот, всё удовольствие испортил! – промычал я, зарываясь лицом в подушку. Потом поднял голову и посмотрел счастливо улыбнувшись на лежавшую рядом прелестную головку с растрёпанными волосами, разметавшимися по подушке. Нора то же проснулась, но лежала с закрытыми глазами нежась под одеялом.

– Сэр, моя программа симуляции эмоциональных реакций определяет слова «проклятый робот» как обидные в контексте человеческих эмоций. Что в свою очередь даёт мне право обидеться на вас, сэр, и какое-то время не общаться с вами и не выполнять ваших указаний. Анализ показал, что время, допустимое на проявление обиды составляет два часа, сорок две минуты и тринадцать секунд. Посему я удаляюсь и пока займусь хозяйственными делами, сэр. И «обиженный» робот развернулся в дверях, заскользив по коридору к лестнице, ведущей вниз, на первый этаж.

– Косворд, не обижайся на него! – крикнула вдогонку ему Нора. Потом потянувшись с наслаждением, выгибаясь словно кошка, и откинув одеяло спустила на пол босые ступни, нащупывая ими валявшиеся где-то рядом с кроватью тапочки. Встала во весь рост, кстати не такой уж и маленький для женщины – пять футов и семь дюймов. Потянувшись ещё раз сладко зевнув, и подошла к окну, где сквозь закрытые ставни к нам в спальню робко пробивался узкий солнечный луч. Потянув щеколду, Нора распахнула ставни и комнату мгновенно залило мягким утренним светом, по стенам заплясали яркие блики, а стоявшую напротив окна обнажённую женскую фигуру окутал сияющий ореол, будто ангела, явившегося во плоти. Она стояла у окна подставив лицо солнечному свету, а я наслаждался полным ощущением счастья впервые за столь долгое время, любуясь ею, на данный момент сзади. Благо было на что полюбоваться, да ещё как! Нора была довольно высокой, стройной, но не худощавой. С юных лет она вполне серьёзно занималась велоспортом, в колледже состояла в женской команде велосипедисток и даже участвовала в соревнованиях за Кубок Штата. Но профессионально заниматься этим не стала, посвятив большую часть своего внимания получению высшего образования, да ещё к тому времени мы с ней успели пожениться. А учась на последнем курсе, она уже носила под сердцем Шона. Результатом её личных усилий стал диплом юриста, а через два с половиной месяца появился на свет маленький горластый результат наших с ней совместных усилий. Потом мы переехали сюда, в Сенкчуари, Нора сидела с Шоном, я работал... Так, что-то я отвлёкся. Итак, не став прославленной велосипедисткой, Нора тем не менее спорт совсем не забросила, даже после родов крутя педали велотренажера дома перед телевизором, пока крошка Шон мирно посапывал в своей кроватке или играл в игрушки в манеже. Ещё она любила вращать обруч вокруг талии, могла делать это сколько угодно долго и результаты этих занятий теперь вот, как говорится, налицо. Сложена она пропорционально, не длинноногая, как те фотомодели, бывшие столь популярными перед войной. Но для меня это скорее плюс, чем минус, мне всегда женщины с такими фигурами нравились. Ноги прямые, крепкие, но мышцы не рельефные, а сглаженные, округлые. Такие ноги – просто глаз не отвести, а если ещё в мини да кружевных чулках и туфлях на высоком каблуке!.. Талия узкая (вот он, обруч-то!), бёдра неширокие и попа круглая, без ямочек по бокам ягодич, так портящих обычно силуэт женских прелестей. Ну, с моей точки зрения портящих, а так может кому и нравится, я не знаю. Прибавим сюда красивые руки с небольшими, аккуратными кистями и изящными пальчиками со всегда ухоженными ногтями, круглые, почти не потерявшие формы после родов груди с маленькими, стоящими торчком коричневыми сосочками, красивые плечи и шею, державшую весьма привлекательную головку – и вот она, моя Нора! Стоит голая прямо в окне и ей абсолютно плевать на то, что какой-нибудь местный раздолбай пройдёт сейчас мимо нашего дома, случайно увидит её, обалдеет, а после будет рассказывать пуская слюни за рюмкой виски своим друзьям, как ему несказанно повезло увидеть голые сиськи самой миссис Стюарт. А мне, если честно сказать, плевать – пускай завидуют!

– Зайка, а у нас душ работает? Сполоснуться очень хочется, – прервала мои созерцательные упражнения супруга, отвернувшись от окна и подойдя обратно к кровати.

Подошла, села на краешек и потрепала меня рукой по коротко стриженным волосам.

– Вставай давай, соня, а то вон глазки какие счастливые, не проснутся всё никак. Жену купать пора.

– Это я сейчас, это я мигом, – сказал я, рывком отбросив одеяло и вставая на ноги. – Пять минут – и всё будет, горячая вода в любом количестве, душистое мыло и чистые полотенца!

– Ой-ой, гляньте на него, – засмеялась Нора. – Прикройся хоть, Аполлон, вдруг придёт кто. Я дверь открывать не пойду.

– Во-первых как придёт, так и уйдёт, – ответил я, тем не менее ища глазами, куда же запропастились мои трусы, – у меня... то есть у нас сегодня законный выходной, никого не принимаем. А во-вторых – тебе значит вот так вот, – я окинул её фигуру взглядом сверху до низу, – по дому шляться можно и в окне прелестями сверкать на виду у всей улицы, а я только вскочил – и уже одевайся!?! Ну что за жизнь, – скорчил я притворно обиженную гримасу, – один будит ни свет, ни заря, поспать не даёт, а вторая, сама вся голая, строит меня с первого, можно сказать дня совместной жизни!

– Что-то не устраивает, мистер? – спросила, изогнув дугой бровь Нора. При этом игриво улыбнувшись и как бы невзначай широким движением перекинув ногу за ногу и откинувшись на локтях назад.

– Нет, нет, всё в порядке, уже бегу, моя госпожа! – комично кланяясь и пятась задом к двери ответил я. – Всё будет сию минуту исполнено!

– То-то же!

Ох и наигрались же мы с ней в своё время в «раба и госпожу» и наоборот! Так... это к делу не относится! Пойду воду греть.

Пока Нора плескалась в душе, напевая что-то – за шумом воды слов было не разобрать, я решил, что пора нам с ней немного перекусить и отправился вниз на кухню, нарядившись в трусы, линялую от бесконечного множества стирок футболку, в которой я обычно дома хожу и старые тапочки на босу ногу. Шлёпая стоптанными задниками и почёсывая задницу – как и положено любому уважающему себя «мачо», я протопал на кухню по направлению к электрической плите. Да-да друзья мои, смею вам доложить, что в нашем набирающем силу анклавe люди у себя дома вполне могут позволить себе расходовать электроэнергию на такое нехитрое, но жизненно важно дело, как приготовление пищи. Чего не встретишь и в более богатых и многочисленных анклавах к примеру. В том же Даймонд Сити например люди в большинстве своём жрать готовят на обычных очагах с металлическими треногами, куда подвешивают котёл, и на специальных решётках-жаровнях наподобие старых сеток для барбекю, только из более толстых прутьев, что бы долго не прогорали. И делается всё это как правило возле дома под навесом, обитом жстью. Этакая противопожарная безопасность, так сказать. Мэрия Даймонд Сити решением множества голосов в совете постановила однажды после очередного пожара, спалившего дотла целую улицу, что все постоянно проживающие граждане анклава обязаны обустроить возле своих жилищ специально отведённые места для приготовления пищи. С тем, что бы максимально обезопасить свои дома, а паче дома ни в чём не повинных соседей от возможных возгораний. Вот и кашеварят теперь друг у друга на виду, считай под открытым небом, заполняя улицы запахами всевозможного жареного-пареного. И каждый в курсе того, чем сегодня обедает, а иногда даже ещё и ужинает его сосед, ха-ха. А что делать?

Справедливости ради стоит сказать, что нынешним жителям Сенкчуари то же приходилось топить самодельные печи на свой страх и риск и складывать очаги из камней около дома, пока я в результате своего отчаянного, а порой просто граничащего с безумием забега по радиоактивным пустошам и развалинам Бостона не оказался в рядах Братства Стали в роли агента, работающего под прикрытием. Вдобавок к этому мне несколько раз удалось в ходе моих поисков пропавшего сына попутно оказать Братству услуги, значение которых очень трудно было переоценить. Но основным было то, как мы с Кейт, моей тогдашней напарницей, о которой разговор пойдёт отдельный сыграли одну из ключевых ролей в разгроме пресловутого Института. Тем самым я оказался на высоте в глазах всей офицерской верхушки бостонского отде-

ления Братства, а командер Макстон произвёл меня в звание рыцаря со всеми вытекающими из этого звания преференциями, положенными, ну или доступными теперь мне по должности.

Не стану кривить душой говоря, что выбивая в Братстве разрешение забрать себе мини-реактор и договариваясь о его доставке в поселение я заботился о благе живущих в нём тогда граждан. Нет, о них я думал лишь отчасти, да и то – самой малой части. Я заботился в первую очередь о себе и о том, что бы иметь хорошую, благоустроенную и достаточно защищённую базу подальше от любопытных и алчных глаз. Что бы у меня был дом, в который хотелось возвращаться после моих, в силу освоенной профессии ставших регулярными скитаний по пустошам и что бы дом этот содержал в себе как минимум весь набор так называемых благ цивилизации, доступных в настоящее время. Ну, понятное дело, доступных теперь не везде и не каждому. Да и жило-то на тот момент в Сенкчуари от силы человек двадцать, по-моему. Новое поселение на старом месте тогда только-только набирало силу, сразу взяв направление на возрождение и развитие добровольческих сил самообороны. Благо по округе разбросано достаточно много фермерских хозяйств, с которыми сразу взялись налаживать взаимовыгодные контакты. Но тут мы сразу столкнулись с некоторыми трудностями, решать которые пришлось в первую очередь, причём самым радикальным образом.

Как мы, новые поселенцы Сенкчуари узнали в ходе нашего общения с тогдашними главами окрестных ферм, большинство фермеров платили дань одной и той же крупной банде рейдеров, с некоторых пор засевавшей на заброшенных военных складах в местечке, называемом местными Склады Александрии. Подчинившая и вобравшая в себя несколько более мелких группировок и завязавшая с кочевой жизнью банда справедливо рассудила, что доить фермеров в обмен на защиту намного выгодней, чем просто их грабить и разорять. Какое мудрое решение! Какой гениальный ход мыслей! А от кого же они, эти бандиты-интеллектуалы собрались сельских тружеников защищать, как вы думаете? Правильно – от себя. Процесс взятия под «крышу» прошёл не сказать, что б сильно гладко – пару хозяйств рейдерам пришлось таки вырезать и спалить дотла – в назидание другим непокорным. Забрали лишь женщин и девушек к себе в логово для забавы, а потом, как поднадоедят для продажи в рабство или же вовсе – в канаву с проломленной головой и отрезанным частями тела. Но остальные фермеры, устрашённые показательными расправами покорились новым хозяевам достаточно быстро. Прокатило у отморожков с Пустоши подобное дело лишь потому, что в главари к ним затесался бывший торговец оружием. Хитрый, ушлый и жестокий засранец, однажды нагло кинувший крупного заказчика и в придачу к этому ещё спалившийся на том, что организовал заказное убийство двух конкурентов, таких же торговцев, как и он сам. Нанятый им киллер, совершенно левый и никому не известный чел родом аж из-под Вашингтона, руины которого и земли вокруг в настоящее время называются The Washington Wasteland – «Столичная Пустошь», не будь дураком – взял после того, как ему заплатили аванс за предстоящую ликвидацию, да и стукнул приговорённым к смерти торговцам о том, кто именно заказчик убийства, сдав того с потрохами. За умеренную плату, разумеется. После этого незадачливому устранителю конкурентов ничего не оставалось, как податься в бега, прихватив с собой горстку верных ему людей, да ещё целую гору оружия и боеприпасов в придачу. Не пропадать же добру! Как, когда и где он умудрился снюхаться с дикими беспредельщиками с пустошей, да ещё подчинить их себе и сколотить серьёзную банду, державшую в страхе всю округу, история умалчивает. Только разбираться со всем этим безобразием пришлось мне и горстке минитменов Престоном Гарви, к тому моменту переехавших вместе с семьями в Сенкчуари и начавших потихоньку его обживать. Ну, как разбираться: нашей основной функцией на то время была разведка – что, где, сколько... А после я отправил запрос в форпост Братства Стали, который базировался тогда, как впрочем базируется и поныне на территории бывшего Бостонского аэропорта. Так мол и так, под самым боком считай крупная банда окопалась. Да, беспределят, фермеров обижают и жить не дают, да и просто в том районе досаждают своим присутствием. К тому же заняли

стратегически важный объект, который по данным Братства проходит как склад длительного хранения, принадлежавший в прошлом Военному Ведомству США. И всё, маховик военной машины завертелся, стремительно набирая обороты! После того, как наши разведанные подтвердились съёмками с воздуха, было отдан приказ о захвате и взятии под контроль указанной территории. На двух винтокрылах в нужный квадрат местности вылетели два отделения штурмовиков в силовой броне и с тяжёлым вооружением. Нашей же задачей было не дать разбежаться по округе разным недобиткам, ускользнувшим из железного кулака Братства. Подробно описывать операцию по уничтожению банды нет смысла. Всем известно, как действует Братство Стали в подобных случаях: сначала наносится массированный удар с воздуха, а проще сказать – летаем кругами и расстреливаем всё подряд из миниганов. После следует высадка десанта, в первых рядах шагают парни в силовой броне, словно ходячие танки, тут и там мелькают огненные росчерки гатлинг-лазеров, сметающих всё на своём пути, отовсюду слышны вопли раненых и умирающих... Рутинная в общем работа.

Так же было и в тот раз. После зачистки и сбора трофеев нам, минитменам, отошла значительная часть стрелковки, изъятой из запасов банды и очень много боеприпасов. Хотя вот их-то как раз слишком много никогда не бывает. Теперь можно было всерьёз браться за создание серьёзной организации, что мы и сделали тогда, усилив уже существующих минитменов трофейным оружием и амуницией и объявив набор добровольцев в наши ряды. Народ к нам потянулся, молодёжь с ферм захотела становиться минитменами, что бы иметь возможность с оружием в руках защищать родные дома и свои семьи, чувствуя за спиной мощную поддержку. Старшие отнеслись к таким начинаниям с пониманием, ведь от инициативы и ответственности каждого зависело благополучие и безопасность в будущем всех вместе взятых. Поди всё лучше, чтобы часть людей с ферм числилась в рядах минитменов и по первому зову подрывалось на помощь нуждающимся, чем жить как раньше, когда каждый сам по себе. Зато ходить под рейдерской «крышей» и каждый день трястись за собственную жизнь и жизнь своих родных, никогда не зная наверняка, когда, в именно какой момент какому-нибудь отморозку окончательно сорвёт крышу и он решит «немножко пошалить», наведовавшись к вам и вашими близкими.

Я же, свалив все заботы, связанные с набирающим силу движением минитменов на Престола с компанией – пускай у них голова болит, занялся розыском пропавших людей договорившись с Ником Валентайном, детективом-синтом из Даймонд Сити о совместной работе. Попутно я собирал различные данные для Братства во время своих регулярных скитаний по пустошам. Порой мне приходится выполнять прямые задания, связанные с теми или иными объектами, попавшими в список интересов Братства, и вот тогда я могу уходить из Сенкчуари надолго и пропадать неделями, а то и месяцами. А сейчас со мной Нора... и как быть? Работу я бросить не могу, слишком многое связывает меня с минитменами и Братством Стали, что бы взять и разорвать разом все отношения в попытке устроить свою личную жизнь и создать милое семейное гнездышко. Да и Нора не такая, я точно знаю. Она скорее мне опять в напарницы набьётся и отправится вместе со мной бродить по Пустоши, чем останется дома и будет изображать из себя примерную домохозяйку. Да, скорее всего так и будет. Нет, что-то в ней сильно изменилось... Так я рассуждал, попутно предаваясь воспоминаниям наших ночных утех, а руки сами нарезали бекон, раскладывали вмиг начинавшие шкворчать на раскалённой сковороде полоски, кололи и выливали туда же куриные яйца.

Когда еда была готова и разложена по тарелкам, а тарелки стояли на подносе я услышал, как Нора выключила воду и прошла обратно в спальню – несколько половиц скрипнули у неё под ногами. Я улыбнулся представив, как она, завернувшись в махровое полотенце и намотав второе – поменьше на манер чалмы на голову, на цыпочках пробегает от ванной до спальни, оставляя мокрые следочки на полу. Нора почему-то никогда не одевала тапочки после душа, а всегда порхала босиком до комнаты, где садилась на кровать, стягивала с себя полотенце и

вытирала им ноги. Потом разматывала «чалму» на голове и вытирала мокрые волосы. Только в таком порядке и никак иначе.

Всё ещё улыбаясь, я поставил на плиту чайник, намереваясь заварить нам напиток из цикория, давно заменившего всем настоящий кофе, но который все упорно продолжали именовать именно «кофе».

Теперь я думал о том, с чего мне начать свой рассказ Норе о злоключениях, пережитых мною в процессе отчаянных и упорных поисков нашего с ней сына, ведь она вот-вот пристанет с расспросами, к гадалке не ходи. Да и пора уже нам с ней поговорить обо всём, слишком много неясного, каких-то огромных белых пятен в наших жизнях с того момента, как мы спустились в Убежище 111, где нас со всеми остальными «гостями» бункера погрузили в криостазис. Проклятый «Волт Тэк», проклятый Институт... Что же вас связывает, какие такие общие тёмные делишки вы сообща обдeldывали? А в том, что эти две организации как-то связаны между собой я не сомневался ни секунды, уж очень много разных совпадений, явно указывающих на это попадалось мне на моём пути. И путь этот мной ещё не закончен, далеко не закончен. Можно сказать, что с падением Института здесь, в Бостоне, причём падением в буквальном смысле этого слова: ведь на месте массивного комплекса зданий и здорового бункера под ними сейчас зияет огромная воронка, просто гигантская дыра в земле, проделанная мощным ядерным зарядом и постепенно заполняющаяся дождевой водой, встало на место ещё одно звено головоломки под кодовым названием «найти Шона». А именно то, что Институт к похищению моего сына из убежища причастен лишь частично. Точнее, похитили-то нашего с Норой малыша как раз они, в этом нет никаких сомнений. Как я узнал впоследствии, их цепной пёс мерзавец Келлог после похищения моего сына какое-то время, а точнее лет восемь-девять заботился о Шоне, выдавая его за своего сына. Мальчик жил и рос всё это время вместе с ним в Даймонд Сити. Поговаривали, что прожжённый наёмник и безжалостный убийца, давным-давно трагическим образом потерявший своих жену и дочь даже как-то прикипел душой к пацану, по-настоящему считая его если не своим сыном, то кем-то вроде этого. Почему деятели из Института не забрали мальчика сразу, а позволили ему столь долгое время жить и расти рядом с этим чудовищем, но потом всё же взяли уже подросткового мальчишку к себе в бункер, для меня до сего дня остаётся загадкой. Ответа я не нашёл и тогда, когда убив синта-охотника и выковырнув из его головы устройство, с помощью которого удалось создать телепорт, оказался наконец в стенах этой таинственной организации. Там я увидел мальчика-синта, настолько точную и правдоподобную копию моего подросткового сына, что его без малейших сомнений принял за Шона, но продлилось это наваждение недолго. Явившегося вскоре старика и представившегося моим выросшим и состарившимся Шоном я встретил уже зная, что всё, что он мне говорит есть явная и неприкрытая ложь. Что мной просто пытаются манипулировать, пытаются направить мою неуёмную энергию в нужное им русло и моими руками избавиться от всевозможных сил, мешающих им проворачивать свои чёрные дела на просторах Массачусетса и вмешивающихся в их планы. Но ничего у них не вышло. Они, эти сволочи-учёные, сидели в своём глубоком бункере на сверх технологичном оборудовании, возможности которого были таковы, что с его помощью и помощью людей, умеющих на нём работать можно за короткий срок возродить цивилизацию из пепла, пусть даже для начала и в рамках одного небольшого города. Но они не пошевелили бы пальцем и ни за что не высунули носа из своей уютной норы, что бы хоть чем-то помочь людям Пустоши, многим из которых до сих приходится каждый день в буквальном смысле просто выживать. Жизни всех тех, кто живёт на наполненных страхом, опасностью и отчаянием пространствах постъядерной Америки для этих яйцеголовых ублюдков составляли не большую ценность, чем жизни обыкновенных лабораторных крыс. В этом я сам имел возможность убедиться, причём не единожды.

Дедуля-типа-мой-сын, пока нёс пургу и пел свои сладкие речи, попутно водил меня по их огромному научному бункеру, показывая самые укромные его уголки и демонстрируя без-

граничное доверие. А я уже знал, что моего настоящего сына у них нет и может быть и не было никогда. А где он... я не знаю. Почему-то я ни на секунду не мог, да и сейчас не могу представить, что Шон, наш сын просто мёртв, что его кости давным-давно где-то покоятся и все мои бесконечные поиски напрасны. Вот не верю я в это – и всё! Не чувствую, что он мёртвый, можете это называть чуйкой, итуицией – как угодно. Наоборот, стоит мне о нём подумать, потянуться к нему ментальной связью, и я буквально ощущаю, как бьётся его сердце, как он дышит, и чувство это настолько реально, что не даёт мне усомниться ни на мгновение в том, что он жив. А старику я тогда постарался подыграть, изобразив, и походу довольно удачно изумлённого и растерянного отца, донельзя обрадованного встречей с пропавшим, а теперь так неожиданно найденным сыном. «Сынулька» ведь не знал о том, что мы с Валентайном уже давно выудили с помощью доктора Амари, гениальной женщины-учёного всё то, что хранилось в тёмных глубинах памяти проклятого Келлога, которого я собственноручно отправил в ад, прямиком в распростёртые объятия демонов, давно его там с нетерпением дожидавшихся. И не знал он так же, что я примерно в курсе того, сколько времени провёл в морозильнике с того самого момента, когда учёные Университета при помощи всё того же Келлог украли моего сына, а мою жену застрелили... Или не застрелили?

Да, чуть не забыл! Старик-типа-мой-сын как-то показал мне лабораторию, где они производят... вернее – теперь уже производили так называемых «синтов третьего поколения». Вот это да-а-а, скажу я вам! Готов поставить свою винтовку с «Хадсоном» в придачу против куска браминьего навоза, что подобного не видел ни один смертный... в смысле – ни один нынешний житель бывшего штата Массачусетс! Очкарики в белых стерильных костюмах, таких чистых, что ни одна бактерия на них не сидела изображали из себя богов, демиургов, творящих таинство создания человека. Они управляли сложнейшими машинами, которые в своих недрах, под завязку напичканных электроникой плодили на свет искусственных людей. Как сейчас я вижу этот огромный зал, по периметру которого расставлены гигантские круглые ванны, наполненные белого цвета жидкостью, похожей на жидкий молочный кисель. В их недра на специальных подъёмниках издавая равномерный гул плавно опускались и поднимались такие же огромные кольца, на которых словно шкурки для просушки были растянуты неподвижные человеческие тела. На одних кольцах были только скелеты с выпирающими рёбрами грудной клетки, на других такие же скелеты, но с уже частично нарощим мясом, формирующим сухожилия, мышцы и внутренние органы, на третьих выглядели так, словно с них содрали кожу и походили на жертв кровожадных маньяков, а на некоторых висели существа, уже ничем не отличимые от обычных людей. Множество существ: мужчины и женщины, старики и старухи, малые дети и подростки. Время от времени, когда процесс формирования в одной из ванн подходил к концу, автоматика останавливала вращение кольца, зажимы расплепались. Обнажённая человеческая фигура, по телу которой прямо на стерильный, блестящий пол ручьями стекал живительный кисель, выходила из ванны и деревянной походкой шла куда-то в дальний конец зала, глядя перед собой невидящими пустыми глазами, шлёпая босыми ступнями по полу и оставляя за собой мокрые следы. Роботы-уборщики без устали сновали туда-сюда, мгновенно возвращая окружающей обстановке стерильность и девственную чистоту.

Это вам не те синты первого, и даже не второго поколения с искусственным скелетом, состоящим из титана и пластика, с электронной начинкой вместо внутренних органов и микропроцессором в башке вместо мозгов, не-ет. Это практически живые люди, только особенным образом выращенные в пробирке... в смысле – в ванне с той белой жидкой хернёй. Бр-р-р! Вот интересно, сколько же таких «людей» Университет успел наплодить и выпустить наружу, позвольте вас спросить? И сколько их сейчас по просторам Массачусетса гуляет, считая себя реальными людьми, помнящими своё детство, юность, своих родных и любимую собаку? Считающих все эти вживлённые им в их искусственно выращенный мозг воспоминания своими? И всё бы ничего, если бы не одно «но»... А именно: любой синт, являясь продуктом науч-

ной деятельности Института и его собственностью, имеет ряд зашифрованных и скрытых глубоко в своей памяти – назовём это подсознанием, команд, зная которые, можно с лёгкостью манипулировать этими существами, заставляя их делать вещи, о которых в своём обычном состоянии «обыкновенных людей» они ни в жизнь не додумались бы и не решились на что-то подобное. Как на жестокое и хладнокровное убийство целой семьи, к примеру. А подобные инциденты уже бывали, скажу я вам. Я сам лично как-то расследовал одно дело о пропаже человека, расследовал довольно таки долго и без особого результата, а он потом возьми да и вернись. Сказал, что был украден рейдерами для продажи на запад в рабство, но по дороге ему и нескольким другим таким же бедолагам удалось бежать и он каким-то чудом, после долгих скитаний по Пустоши сумел вернуться домой. Всё натурально, измученный, забитый, подавленный морально и физически человек, еле живой от перенесённых невзгод – только и остаётся, что посочувствовать и порадоваться вместе с его роднёй, что он таким удачным образом вернулся. Всё нормально, родичи просто счастливы, что так благополучно всё завершилось. Объятия, слёзы радости и всё такое. А этот товарищ через месяц с небольшим встаёт ночью, берёт в руки нож и повинувшись непонятно какому импульсу режет насмерть всю свою семью. Родителей, жену, сестёр... Там ещё детей двое маленьких было, мальчишка пяти лет и девочка трёх с половиной. Он и их то же... того... Кончилось тем, что его застрелили охранники, возвращавшиеся домой со смены: сначала они крики слышали, а когда ближе подошли, то увидели, как какой-то чувак с безумными глазами, в крови с головы до ног и с окровавленным ножом в руке из дома выбегает. Ну и засадили по нему из двух стволов без предупреждения. А уже после, когда его в местном морге фельдшер вскрыл, то все и ахнули, увидев среди живых органов искусственный источник питания – единственный элемент, по которому можно определить синта третьего поколения. «Родичи» убитого ни секунды не сомневались в том, что вернувшийся близкий человек и не человек вовсе. Каково совершенство технологий! Вот так вот, а вы говорите...

– Милый, ты скоро? – донеслось со второго этажа.

– Сейчас, уже иду, почти всё готово! – крикнул я в ответ и с полной чашкой в руке повернулся, что бы поставить её на поднос.

Оп-па! А что, если... Рука, так и не донесшая чашку до подноса дрогнула и содержимое расплескалось по столу, несколько крупных тёмных капель попало мне прямо на футболку. Выругавшись, я поставил чашку на стол рядом с подносом, стряхнул пролитое с ладони в раковину и посмотрел вверх, на потолок. Там, в нашей спальне сидит сейчас и не спеша вытирает волосы белым полотенцем моя неизвестно откуда взявшаяся жена. Которая ни хрена не помнит. Вернее, это она так говорит, что не помнит, а там кто её знает... А что, если она то же – из этих? Последнего поколения которые... Как же мне сразу-то в голову такое не пришло? Да как, как... Что тут говорить – обрадовался настолько её увидев, что всё осознание растерял, всё налюбоваться никак не мог. А тут фермеры эти, рейдеры всякие, то, сё... Вот и потерял планку, даже не предположив, что такая возможность существует. Как в тумане от радости и счастья был, что нашлась, что живая...

Я наполнил пролитую чашку заново, аккуратно поставил её на поднос и понёс завтрак наверх в спальню, по пути лихорадочно соображая, как же мне быть-то теперь и что дальше делать. Какая-то мысль не давала мне покоя, всё свербела и свербела, никак не желая вылезать наружу. Что-то очень-очень важное... Во! Точно – собаки! Собаки на Нору никак не отреагировали, я это совершенно точно помню! А это очень важный момент и я сейчас объясню почему. Дело в том, что после инцидентов с убийствами и прочим неадекватным поведением синтов, которых под видом живых людей Институт регулярно подсеял в какие-нибудь поселения, частенько заменяя реально существующих людей точными их копиями, народ довольно таки быстро нашёл средство, как отличать тех от других – собаки. Да-да, обычные дворняги, даже без специальной подготовки очень агрессивно реагировали на синтетических людей, совер-

шено не так, как они отреагировали бы просто на незнакомого, чужого человека. Учув синта, собаки начинали буквально бесноваться, срываясь с поводков и стоило огромных усилий их обуздать. Правда я не в курсе, вычисляют ли барбосы синтов того самого пресловутого последнего поколения, или нет... Нету у меня информации по этому поводу, но будем надеяться, что вычисляют. Должны бы, по идее. Когда мы с Норой стояли возле лавки Артуро, мимо нас пару раз проходили охранники рынка с собакой на поводке, которая даже не посмотрела в нашу сторону, а на искусственных созданий они обычно сразу кидаются. Кстати из этого правила единственным, не поддающимся никакому логическому объяснению исключением является всем известный сыщик-синт Ник Валентайн, мой приятель, живущий в Даймонд Сити. Вот на него по какой-то неведомой причине собаки никак не реагируют. Ну, как не реагируют – обращают внимание, конечно, но не более, чем на настоящих живых людей. Не проявляют той неистовой агрессии, как обычно бывает в присутствии других синтов, попавших к ним в поле зрения и нюха.

И ещё, самое главное! Я вспомнил, что когда изображал из себя новоиспечённого сотрудника Института, до глубины души проникшегося их высокими идеями и целями, то пару раз участвовал в операциях по возвращению беглых синтов на пару со штатным охотником. То же синтетиком, разумеется. Так вот он, что бы заставить беглеца добровольно вернуться в родные стены без применения к нему насилия и не портя, так сказать, «товар» произносил вслух кодовую фразу, состоявшую из букв и цифр. После чего у беглеца попросту отключалось собственное сознание и он превращался в безвольную марионетку, куклу, беспрекословно подчиняясь и выполняя любую команду охотника. Этот метод охотник неоднократно применял при мне и эта самая пресловутая фраза всегда была одна и та же. И я её, эту кодовую фразу помню, очень хорошо помню. «Вот же ты гад!» – скажете вы, – «На своей единственной, любимой женщине, которую ты уже, кстати, давно похоронил, в душе считая всё это время умершей, решил проводить свои дикие эксперименты, продиктованные не чем иным, как твоей «дорогой подругой» паранойей!» А как мне быть, спрошу я вас? А? Ладно, жизнь покажет... Жизнь, она вообще такая штука, которая всегда рано или поздно «показывает».

Поднявшись в спальню, я поставил поднос с завтраком на журнальный столик, расставил тарелки, чашки с «кофе» и пододвинул всё это дело поближе к кровати. Нора уже закончила свой «последушевой» ритуал и сидела, пытаюсь соорудить на макушке хвост из своих не слишком длинных волос и держала губами резинку. Когда я вошёл, она глянула на меня и улыбнулась, продолжая крутить хвост.

– Нуфно фто-то нафэфь, – невнятно произнесла она из-за резинки во рту.

– Сейчас что-нибудь сообразим, что тебе надеть, – кивнул я.

Нора оставила наконец волосы в покое, и придвинув поближе тарелку, принялась с аппетитом поглощать яичницу. А я тем временем направился к бельевому шкафу, подыскивать моей ненаглядной подходящий наряд. Распахнув дверцы, я задумчиво уставился на его содержимое, честно говоря многообразием не блиставшее, пытаюсь сообразить, что бы такое из своих вещей ей предложить. Футболку, конечно, что же ещё. Вот эту, которая подлиннее и самая не застиранная из всех, вроде как.

– Ну-ка, подними ручки, – с футболкой наготове подошёл я к Норе.

– Одевай, – она положила вилку и послушно подняла руки вверх.

Мы не спеша позавтракали, попили «кофе» из цикория, потом я спустился вниз и поставил в мойку грязную посуду, не доверяя это тонкое и ответственное дело криворукому Косворду. Он тарелки постоянно роняет и колотит, зараза. Пока я ходил, Нора успела разлечься на кровати поверх одеяла и лежала теперь, положив ногу на ногу и закинув руки за голову.

– Рассказывай, – соизволили их величество благосклонно кивнуть, когда я снова появился в дверях спальни.

– Что рассказывать? – попытался увильнуть я от опасного разговора, прикинувшись дурачком и состроив невинную физиономию. Но от Норы так просто было не отвертеться.

– Всё. Рассказывай всё с того самого момента, как тот лысый гад выстрелил в меня там, в убежище.

Произнесено это было таким твёрдым и уверенным тоном, что я конечно тут же сдался, и решив не щадить больше её чувств, раз она сама так решила, сел на кровать у её ног и собравшись с мыслями начал своё повествование. А рассказать мне было о чём, даже более чем. Нора внимательно слушала не перебивая, и чем дальше, тем больше мрачнело её лицо, хмурились брови и тускнел взгляд серых красивых глаз.

Насколько мог подробно я рассказал ей, как очнулся в убежище потому, что аварийная система отключила криостазис, как увидел, что все остальные камеры-морозильники полны давным-давно умершими людьми, превратившимися в иссохшие мумии, обтянутые синими комбинезонами. Так же я сказал ей о том, что так и не смог себя заставить подойти к её крио-камере и заглянуть внутрь. Я заметил, как при этих моих словах лицо Норы дрогнуло и на нём на миг промелькнуло выражение облегчения. Поведал, как плутал во тьме по нескончаемым коридорам бункера, как невыносимо долго, целую вечность, впав в какое-то полубезумное состояние от терзавших меня голода и жажды я искал возможность покинуть проклятый склеп и выбраться на поверхность. В общем, в течении часа я описывал в подробностях всю свою жизнь в постъядерном мире на просторах Америки, опустив только несколько особенно скользких моментов, касающихся меня и Кейт, моей бывшей напарницы и боевой подруги. Отношения у нас с ней складывались настолько непростые и неоднозначные, что лучше было об этом вообще умолчать. Благо Кейт сейчас далеко и вернётся ещё ой как не скоро. Так что я лучше промолчу, дабы не навлечь на свою голову лишних шишек со стороны законной супруги, пусть только-только и восставшей из мёртвых.

Когда я закончил, Нора сидела погружённая в свои мысли и некоторое время молчала пережевывая услышанное, а вместе с ней молчал и я. Потом всё так же молча встал и пошёл вниз налить себе воды, дабы промочить пересохшее от долгого разговора горло. И только я нацедил себе водички из алюминиевой канистры, стоявшей у стены рядом с плитой, как услышал мелодичный звон колокольчика над входной дверью. Посмотрев с неудовольствием на дверь я вздохнул и с кружкой воды в руке пошёл открывать. Ох, чует моё сердце – накроется наш выходной! И кстати, куда этот капризный робот подевался? Почему я должен сам дверь открывать?

– Косворд! – крикнул я в глубину дома по пути к выходу.

В ответ тишина. Чтоб вы провалились, умники из «Дженерал Атомикс» за столь изысканный искусственный интеллект, которым вы наградили эту модель робота-дворецкого, вписав ему в программное обеспечение симуляцию эмоциональных реакций с расширенным вариативным рядом. Вот и капризничает теперь бестолковая жестянка по поводу и без. И что самое главное, он ведь себя так до войны не вёл, зуб даю. Что-то с ним всё-таки приключилось в моё отсутствие или электромагнитный импульс от множества ядерных взрывов всё-таки как-то так на него повлиял...

Подойдя к выходу, я глянул в маленькое узенькое окошко с пуленепробиваемым стеклом, зеркальным со стороны улицы, что бы с порога не видно было, как я за дверью стою и на разных «пришельцев» смотрю. Дверь, кстати, изнутри толстым стальным листом обшита, потяжелела правда изрядно, поэтому пришлось усилить петли и саму дверную коробку. Но это мелочи, главное винтовочную пулю с небольшого расстояния держит – и славно. Хотя мало их бывает, посетителей этих самых, гостей всяких прошенных и непрошенных. Меня дома застать трудно, я подолгу пропадаю в своих экспедициях, а когда возвращаюсь, то тоже особо дома не сижу. Разве что пару дней могу отсыпаться – вставать, пить воду, сходить на кухню пожевать что-нибудь и снова валиться на кровать. А потом я начинаю или работать в мастер-

ской в гараже, или топаю в Даймонд Сити, где иду в первую очередь в детективное агентство Валентайна. А если Ника нет на месте, то дальше мой путь лежит в новый оружейный магазин, который относительно недавно открыл мой хороший приятель Фил Коллинз. Ветеран Братства Стали, который из-за преклонных лет, а если честно, то больше из-за ранения, полученного при знаменитом штурме Института вышел, так сказать, на заслуженную пенсию и на выходное пособие открыл своё дело, к которому ваш покорный слуга имеет самое непосредственное отношение. Если же мне удаётся застать городского детектива на рабочем месте в агентстве, то какое-то время я нахожусь у него, благо общих тем у нас с ним много, а потом всё равно иду в магазин к Коллинзу.

Фил на базе Братства числился штатным мастером-оружейником, причём всеми признанным мастером, одним из лучших, и подготовив перед своим уходом достойную смену из нескольких учеников, решил уже будучи гражданским продолжать то, что у него получалось лучше всего. А именно – чинить и совершенствовать разного рода огнестрельное оружие. Справедливо рассудив, что с несколькими известными торговцами смертоносным товаром ему не потягаться, Коллинз сделал упор на кастомизацию уже имеющихся образцов огнестрела, покупая оптом несколько стволов, доводя до ума и продавая их потом с наценкой. И надо сказать, без клиентов он не оставался. Ведь тот же Артуро Родригес торговал, если можно так выразиться, оружейным ширпотребом, стволами в базовой комплектации, какой есть, такой и бери. Есть, к примеру на карабине планка под оптику или кронштейн под фонарь – хорошо, а нет – ну что ж делать, сам выкручивайся, городи что-нибудь и как-нибудь. Или мастера ищи, который поможет тебе с этим делом. Фил же все эти услуги оказывал, делая всё достаточно быстро, качественно и давал гарантию на свои изделия. Ну и не драл он за свою работу втридорога, хотя вполне мог бы. А ещё Фил торговал ножами ручной работы, которыми занимался уже я, делая их небольшими партиями по несколько штук, и брал заявки для меня же на заказные ножи, исполняемые в единственном экземпляре по персональному эскизу из каких-нибудь экзотических материалов. Типа, там, кости Когтя Смерти, пущенной на накладку рукояти, ножен из панциря Короля Болотников или ещё что-то подобное. Ну и цена на эти вещи была соответственная, разумеется. Далеко не каждому по карману. Но заказов хватало, клиенты не то что бы табуном ко мне шли, но и совсем без работы я не оставался. Для этих целей у Фила в магазине был оборудован для меня специальный закуток, моя собственная маленькая мастерская по изготовлению ножей, со всем необходимым набором инструментов, и ещё мини-кузня на заднем дворе за магазином. Там я, подпоясавшись брезентовым фартуком и надев на руки брезентовые же рукавицы, периодически ковал заготовки для клинков. Но делалось это не часто – я старался загодя наделать их в достаточном количестве и разных размеров, что бы потом больше не отвлекаться на ковку, а заниматься только слесарной обработкой. Тем более, что всё чаще приходилось выкраивать время на это дело между моими, в последнее время участвовавшими командировками в пустоши. Фил с женой Сарой и двумя сыновьями-подростками, родившимися с разницей в два года, Джоном и Алексом, проживал в том же доме, их квартира находилась на втором этаже прямо над магазином, окна которой выходили на рыночную площадь.

И вот сейчас на пороге нашего дома, а точнее возле калитки, от которой к входной двери вела мощёная вытертой и потрескавшейся плиткой дорожка, стоял никто иной, как Джон Коллинз, старший сын Фила Коллинза, семнадцатилетний молодой человек. Одет он был по-походному, в дорожной кожаной одежде, состоявшей из коричневого цвета куртки толстой воловьей кожи, потёртой и потрескавшейся, и кожаных же штанов с нашитыми наколенниками, заправленными в чёрные ботинки с высокой шнуровкой. Голову покрывала кепка-бейсболка с гнутым козырьком. За спиной у Джона висел объёмистый рюкзак, на плече болтался стволом вниз карабин «М14», обвешанный всевозможными «тактическими» прилудами. Будучи сыном знатного оружейника и имея доступ к станкам и материалам, парень мог себе позволить

улучшить винтовку по своему вкусу и запросам. Всё это я отметил, окинув его взглядом, как только отпер замок и распахнул входную дверь.

– Ха, Джонни-бой, какими судьбами? – крикнул я с порога, всё ещё держа кружку в руке. – Заходи, заходи, не стой там. Нора! К нам гости! – крикнул я в глубину дома. Надеюсь услышит и наденет на себя что-нибудь ещё кроме моей футболки, едва-едва достающей до верхней части её бёдер перед тем, как спустится вниз в столовую.

Джонни тем временем аккуратно закрыл за собой калитку, прошагал своим широким шагом по дорожке и вошёл в дом, стащив с себя в прихожей рюкзак, сняв винтовку с плеча и скинув куртку, под которой у него оказалась ядовито-красного цвета рубашка с коротким рукавом. Повесив всё своё походное хозяйство на вешалку в прихожей, но захватив с собой небольшой свёрток и пригладив ладонью непослушные волосы Джон прошёл за мной следом в столовую, совмещённую с кухней, где замер, ожидая, когда ему предложат куда-нибудь присесть. Скромный парень, что и говорить. Воспитанный. Насколько я знал от Филя, Джонни-бой и с девушками был такой же, робкий и стеснительный, и как результат испытывал определённые трудности в общении с противоположным полом. Но при этом он был трудолюбив и сильно увлечён оружием, с удовольствием проводя всё свободное время в отцовской мастерской, пропадая там целыми вечерами и проявляя врождённый талант потомственного ружейника. И это помимо того, что днём он посменно со своим братом работал в магазине продавцом. Братец же его, Алекс хоть и был младшим, но нрава был прямо противоположного своему старшему брату: шустрый, развязный, на язык острый и с девчонками раскован и дерзок. Ну и лодырь ещё записной в придачу, старавшийся отлынить от какой угодно работы под любым предлогом, что к его неудовольствию прокатывало крайне редко, зная железный нрав его папаши Филя.

– Садись парень, не стой, – я кивнул на один из стульев, выпив наконец-то залпом стакан воды, уже согретой от долгого держания в руке и поставил его на стол рядом с мойкой.

– Ну, рассказывай с чем пожаловал, – сказал я Джону, улыбнувшись. – Какими ветрами тебя в наши края занесло?

– Я к вам от отца с поручением, мистер Нейтан, – ответил тот. – А так мы на восток идём караваном, к заводу Бранштейна. Специально несколько человек для этого наняли. По поводу станка для мастерской договариваться будем, да ещё насчёт кое-каких деталей для винтовок вопрос решить нужно будет. Парни меня за мостом ждут, привал пока устроили, но я уже скоро побегу, а то нам ещё топтать и топтать.

– Заказ на нож появился? – спросил я.

– Да, – кивнул Джонни. – Вот тут чертежи и список материалов, а так же задаток.

С этими словами он привстал со стула и протянул мне продолговатый свёрток, который до этого держал в руке.

– А как ты узнал, что я дома? – спросил я парня, принимая у него из рук посылку. – Я ведь из города сорвался никого не предупредив. Разве что Бобровым сказал, когда за номер расплачивался... Но куда направляюсь не говорил.

На лестнице, а затем в коридоре послышались лёгкие шаги и через пару секунд к нам присоединилась Нора, войдя в гостиную. Одета она была уже не в мою футболку. На ней были вчерашние тёртые джинсы голубого цвета и жёлтая кофточка с длинным рукавом, на ногах всё те же маленькие тапочки.

– Здравствуйте, мэ! – первым произнёс приветствие Джон, вскочив со стула и учтиво кивнув Норе.

Та приветливо улыбнулась и протянула парню открытую ладонь:

– Нора. Можно называть меня так. А вас как зовут, молодой человек?

– Джонни, мэ... То есть миссис Нора, – аккуратно пожал её руку Коллинз-средний, вконец смутившись, аж щёки запылали красным. С ним такое бывает, говорил же уже – стесняется женщин и всё тут.

Нора ещё раз улыбнулась своей обворожительной улыбкой и отошла к плите готовить себе ещё «кофе». Она всегда так делает: сначала выпьет ту чашку, которую я ей в постель подам, а потом, когда уже встанет с кровати, примет душ, причешется, оденется и вниз соизволит спуститься, то ещё одну чашку сама себе намешивает. И меня к этому своему ритуалу ни за что не подпускает, я пробовал уже как-то влезть, знаю. Кстати, и кофе она всегда немного по-другому наводит, я пару раз отхлебнул из её чашки – отличается, причём заметно. Пропорции другие. Но мой кофе нахваливала всегда и никогда не отказывалась... Кто их, женщин этих поймёт.

– Я надеюсь вы не откажетесь от чашки кофе и сэндвича, Джонни? – спросила Нора, колдуя у плиты.

– С удовольствием, миссис Нора, – ещё больше зарделся Джон.

– Вот и славно, – снова улыбнулась та.

Ещё одна такая улыбка адресованная парню, подумал я и, как мне кажется, его щёки натуральным образом воспламятся и огонь перекинется прямиком на пышную шевелюру, а потом на всё остальное. И Джонни-бой тогда сгорит дотла, превратившись в кучку пепла на полу у нас в гостиной. М-да... А кто же тогда за станком на завод к Бранштейну пойдёт?

Я тем временем распечатал свёрток и на свет божий явился небольшой листок пожелтевшей бумаги в клетку, выданный, похоже, из какой-то залежалой ученической тетради ещё довоенного выпуска. На нём твёрдым почерком Филадельфия был расписан новый заказ на нож, где по пунктам было указаны пожелания заказчика по параметрам и материалам, из которых он должен быть изготовлен. Ниже прилагался набросок карандашом изображающий, как нож должен выглядеть в реале. Ну, приблизительно выглядеть разумеется. Всё дело в том, что видение заказчика того, каким должен быть вожаемый предмет его мечты и умение Коллинза-старшего передать эти самые мечты на бумагу при помощи всё того же карандаша различались, и порой весьма значительно. Хорошо, когда человек, заказывающий нож, умеет хоть немного рисовать и сам изображает желаемое, но таких почему-то маловато... Лучше всего, конечно, когда я сам принимаю заказы. Тут уже недопонимания как правило не возникает, разве что какой-то особо капризный клиент попадётся. Но это дело, в смысле – моё личное общение с клиентом в силу моей основной работы случается крайне редко. Не, ну прямо закон подлости в действии: когда я по нескольку дней не покидаю свою мастерскую в магазине у Филадельфия, ночуя там же на своей любимой раскладушке военного образца – ну ни один клиент не нарисует, который желал бы у меня нож заказать! А стоит мне отправиться в очередной поход по радиоактивным землям, этих заказчиков как черти разжигают! Вот и общаются люди добрые с Филадельфом в моё отсутствие, а он как вы уже поняли художник тот ещё, талант прям через край так и плещет.

Разобрав наконец каракули Филадельфия, я заглянул в свёрток и извлёк оттуда завернутые в тряпицу какие-то то ли кусочки рога, или кости – как то так громыхнули, и холщовый мешочек с чем-то весело внутри звякнувшим, когда я его слегка встряхнул. Ну понятно – крышки. Это аванс за работу. Вот кстати, я до сих пор не могу понять, кому первому пришла в голову столь «грандиозная» идея использовать в качестве разменной монеты крышки от – «Нюка-Колы» и под каким из известных наркотиков этот товарищ в тот момент находился? Ка-а-кое гениальное решение! И ведь прижилось это дело как ни странно, приняли люди столь противоречивое нововведение. Как по мне, то проще бы было тогда уж старые долларовые и центовые монеты использовать. Ведь один хрен, что кто-то древние развалины какого-нибудь банка или обменного пункта найдёт и расковыряет, вмиг став миллионером среди множества прочих голодранцев, что какой-нибудь бродяга-мусорщик в заросшем бурьяном овраге случайно наткнётся на перевернувшийся грузовик, эту самую «Нюка-Колу» когда-то перевозивший. Результат тот же самый будет. Более того я подозреваю, что начало этой новой валюты и положил кто-то такой вот хитрожопый, волею случая дорвавшийся до халявных запасов этого

термоядерного поила, спокойно хранящегося не то что годами – десятилетиями и вовремя смекнувший, как можно выгодно использовать никчемные нержавеющие кругляши с логотипом компании-производителя. М-да...

В тряпице оказались, как я и предполагал кусочки панциря Короля Болотиков, бывшего, похоже, довольно преклонного возраста к тому моменту, когда его добыли охотники. Куски, уже напильные продолговатыми пластинками дюймов шесть в длину, два с чем-то в ширину и примерно полдюйма в толщину были глубокого чёрного цвета с матовым отливом. Отлично! Такой материал превосходно полируется и смотрится потом очень хорошо. Я покрутил пластинки в руках, несколько раз приложил одну к другой проверяя, насколько ровно они распилены и отложил в сторонку. Потом повнимательней посмотрю, как вплотную за заказ возьмусь, но это уже завтра, не раньше. Болотные... Б-р-р! Ненавижу этих тварей! Не надо смеяться, у меня на то есть свои причины, причём очень веские. Был уже опыт общения, знаете ли...

Нора тем временем подала пламенеющему, как закатное солнце Джону обещанную чашку так называемого кофе и положила ему на тарелку два бутерброда с сыром, который нам в Сенкчуари исправно поставляли с фермы Обернати. Они там вполне успешно освоили изготовление разного рода кисломолочных продуктов. Особенно дела у сельских тружеников пошли в гору после того, как им провели электричество, а наши штатные техники во главе с неподражаемым Струджесом, мастером на все руки, который встречал нас с Норой вчера у ворот, смогли восстановить до рабочего состояния и подключить несколько морозильных установок. Те были выкорчеваны и утащены со старого и давным-давно умершего молокозавода, тихо доживавшего свой век на одной из окраин Бостона. Это позволило фермерам не заботиться более о длительном хранении мяса и молока, что в свою очередь стимулировало рост поголовья всякого рогатого скота в их хозяйстве. Хорошее начало, не правда ли?

Джонни попил «кофе», доел бутерброды, поблагодарил сердечно и засобирался, прощаясь с нами, так как их каравану уже пора было отправляться в путь. Мы с Норой проводили молодого человека до калитки, где и распрощались. Джон направился к воротам перед мостом, а мы, постояв немного на улице и поглазев по сторонам, вернулись обратно в дом. Там я в свою очередь пошёл в душ сполоснуться, а Нора в это время откровенно бездельничала, сидя в гостиной на диванчике закинув ногу за ногу и с недопитой чашкой остывшего цикория в руке. Косворд к тому времени оттаял, если это можно так назвать, и теперь они с моей женой вели высокоинтеллектуальную беседу, причём Нора откровенно забавлялась, подшучивая над нашим не в меру умным и имеющим столь тонкое душевное устройство домашним роботом, задавая ему всякие каверзные вопросы, а после наблюдала за его реакцией. К тому моменту, когда я выбрался из душа вытирая свой мокрый ёжик на голове полотенцем Косворд уже снова готов был «обидеться», в этот раз уже на Нору, но я вовремя спас положение, вмешавшись в их диалог и уведя жену с собой наверх в спальню. Робот, глубоко поразмыслив вновь в миллион первый раз отправился в своё бесконечное путешествие вокруг нашего дома, а я вдруг вспомнил с интересом глянув на супругу, что у меня вообще-то к ней есть одно неотложное дело... По видимому что-то подобное пришло и ей в голову в этот самый момент, и мы снова заперлись в спальне, на этот раз предусмотрительно закрыв дверь на задвижку, чтобы беспардонный робот не заявился в самый ответственный момент.

Мы спустились вниз, когда солнце, окрашивая небосвод в нежно-розовые тона уже начало потихоньку клониться к верхушкам молодых деревьев, росших на холмах вокруг Сенкчуари. Снова перекусили, на сей раз салатом, по-быстрому настрогав в глубокую миску с широкими краями немного овощей, добавив сыра, нарезанного маленькими кубиками, посолив и сбрызнув всё это дело кукурузным маслом. Потом оделись и пошли на улицу пройтись немного и подышать свежим воздухом, наслаждаясь вечерней красотой ранней осени. Прошли неспешным шагом до противоположного конца поселения, пройдя через небольшую площадь в центре, образовавшуюся на месте снесённого дома, не пережившего так успешно,

как остальные дома ядерной атаки и многих лет заброшенности и развалившегося на части. Теперь на этом месте раскинулась рыночная мини-площадь, она же центр развлечений и народных гуляний с несколькими торговыми лавками по периметру, сколоченными из досок и танц-площадкой в центре, соседствующей с небольшой сценой, на которой местная самодеятельность время от времени давала спектакли. Причём весьма неплохие на мой неискущённый в театральном искусстве взгляд. Особенно мне запомнился Гамлет в исполнении Лю Вэня, нашего местного китайца, чья вечно унылая физиономия с припухшими узкими глазами как нельзя лучше по моему мнению подходила для сценического выражения душевных терзаний Принца Датского.

Дошли до здания арсенала, он же штаб местного филиала организации минитменов. Там немного постояли, поглазели на то, как сержант Джексон гоняет по импровизированному плацу перед штабом молодых новобранцев, вбивая в их деревенские головы зачатки воинской дисциплины. Здоровенный негр с налитыми кровью глазами орал на новобранцев так, что от его крика дрожали стёкла в здании штаба, а сами бойцы стояли перед ним навытяжку, боясь вздохнуть и с восхищением, разбавленным изрядной долей ужаса буквально поедали грозного командира глазами. Насмотревшись на муштру новичков-минитменов и вдоволь наслушавшись воплей Джексона, я и Нора отправились обратно, по пути несколько раз поздоровавшись с кем-то из местных. Никого из них Нора, разумеется, не знала и мне по ходу дела приходилось ей объяснять, кто есть кто в нашем старом-новом поселении.

Подошли к лавке Беннета, торгующей съестным и спиртным, и закрывавшейся обычно позже других заведений, где встретили семейство Сэмпсонов в полном составе: вчерашний Гомер, глава семьи, его жена Марта с неизменной пирамидоподобной причёской на голове и трое их детей: Берт, Лайза и малышка Линда. Подошли, поздоровались. Гомер сегодня был настроен благодушно, видно вчерашняя гулянка для него и для Марты окончилась без эксцессов с последующим выяснением отношений. Сегодня супруги прямо таки лучились благодушием и семейным счастьем. Я представил Нору Сэмпсонам, те по очереди пожали ей руку, даже маленькая Линда и та, встав на носочки протянула незнакомой тёте, пришедшей с дядей Нейтаном свою маленькую ладошку. Нора здоровалась, улыбалась, но я видел, насколько тяжело ей даётся общение с детьми Сэмпсонов. Поэтому я не стал долго задерживаться у лавки и ничего не купив – благо дома ещё была какая-то еда, поспешил попрощаться с дружным семейством и потянул Нору за собой. Солнце потихоньку скрывалось за горизонтом, небо на западе всё больше темнело, приобретая тёмно-синие тона, на Сенкчуари незаметно и неизбежно опускалась ночь.

Глава 3

Ночью я проснулся от того, что Нора, лежавшая рядом со мной под одеялом вдруг начала глухо стонать и метаться во сне. Она что-то невнятно бормотала, но сколько я не прислушивался, отдельных слов так и не смог разобрать. Я потихоньку погладил её по голове, аккуратно обнял, подсунув руку ей под спину, прижал к груди её милую головку. Тихо, моя хорошая, тихо... Нора затихла так и не проснувшись, лишь немного повозилась, поудобней устраиваясь на моей груди и тихонько засопела, погрузившись в глубокий сон. Я лежал так, с женой в обнимку до тех пор, пока её головка с растрепанными волосами не отлежала мне руку и ты не начало сильно покалывать. Я аккуратно, стараясь не потревожить сон любимой высвободил руку и принялся её растрять, что бы вернуть чувствительность. Потом я, некоторое время глядя на тёмный силуэт профиля Норы всё же решился. Чуть приблизив своё лицо к её щеке я тихим, но отчётливым шёпотом произнёс:

– B5-92, сброс до заводских настроек, гамма-7-1-эпсилон.

Ничего. Нора как спала, посапывая и тихонько вздыхая, так и продолжала дальше спать крепким сном. Тогда я, уже не боясь разбудить её, произнёс кодовую фразу возврата беглых синтов в полный голос. На этот раз Нора завозилась, оторвала голову от подушки, и глядя на меня тусклыми спросонья глазами, спросила:

– Милый, что-то случилось? Ты меня разбудил... Что ты там сейчас говорил?

– Ничего, любимая, ничего, спи. Ты возилась во сне и я позвал тебя, что бы успокоить. Засыпай.

Уф-ф-ф! Ну сла-а-ава тебе, боже!

Нора уронила голову на подушку и снова отрубилась, отправившись обратно в царство сновидений, а я продолжал лежать пялясь в потолок в кромешной темноте и всё думал, думал...

Задремал я лишь тогда, когда узкий просвет между плохо подогнанными ставнями из чёрного превратился в светло-серый. Но спать мне долго не пришлось: едва я худо-бедно погрузился в сон, как тут же проснулся от Нориного голоса, вернее от её крика. Подпрыгнув на кровати, я вскочил и посмотрел на жену. Та сидела, откинув с себя одеяло, упавшее одним краем на пол и всхлипывала, растирая рукой льющиеся ручьём из глаз слёзы. Что ещё за дела?! Я поспешил сесть с ней рядом и обнял её за плечи.

– Родная, что ты, не плачь, – я поцеловал её в заплаканные глаза. – Кошмар приснился? Успокойся, любимая, это всего лишь сон.

– Нет, – замотала головой Нора, попадая волосами мне по лицу. – Я вспомнила... Я увидела...

– Что? Что ты вспомнила? – уже не на шутку напрягся я.

– Я не знаю, как это объяснить... Это как кусочки мозаики, яркие вспышки, какие-то обрывки воспоминаний... Я пытаюсь их ухватить, но они всё время ускользают. Но одно я увидела абсолютно точно.

– Что? Что ты увидела? Не молчи милая, расскажи, вместе мы с этим разберёмся, – я взял ладошки Норы в свои и заглянул ей в глаза. Она слабо улыбнулась, высвободила из моей ладони одну руку и вытерла глаза. Потом провела ладонью по щекам, стирая слёзы.

– Я увидела... себя. Я лежала пристёгнутой к каталке, ну, на каких в больницах людей возят, на колёсиках, и не могла пошевелиться. Вокруг меня какие-то машины, колбы, разные пробирки как в научных лабораториях, с помощью которых всякие опыты проводят, в глаза светят яркие лампы. Мне страшно, очень страшно. Если чуть-чуть повернуть голову, то видно как бы окно, большое такое, а за стеклом люди в белых халатах и масках, они что-то там делают, мне оттуда, где я лежу, не видно. А ещё там же, за этим окном ещё двое в белом – женщина и

старик, они горячо спорят о чём-то. Потом старик машет рукой и кивает с недовольным видом, будто нехотя соглашаясь с чем-то и отворачивается, а женщина берёт в руки здоровенный шприц, наполненный какой-то светящейся жидкостью и направляется ко мне. И тут меня охватывает дикий ужас, я пытаюсь освободиться, дёргаюсь изо всех сил, хочу убежать, но ремни, которыми меня пристегнули к каталке, не дают даже шевельнуться. А женщина подходит всё ближе, ближе... Она улыбается, но у неё очень странные глаза... Как у куклы, неподвижные, неживые. Она останавливается возле каталки и колет меня этим своим шприцем вот сюда, в шею. И тут меня охватывает такая боль, словно всё моё тело рвут на части и я кричу, кричу... И – темнота... Дальше всё обрывается. Что же это такое, кто эти люди и что они со мной делали?!

Видя, что Нора на грани срыва и опять вот-вот разрыдается, я не теряя времени вновь прижал её к себе, успокаивая. Потом, немного погодя, осторожно спросил:

– Ты прости, что заставляю тебя опять в этот кошмар погружаться, но ничего особенного ты там не заметила? Чего-нибудь необычного, запоминающегося. Того, что бы могло указать хоть примерно, что это за место? Ну, хоть что-нибудь?

Нора задумалась на некоторое время, потом отрицательно качнула головой:

– Нет, ничего такого я не помню. Кроме той бабы со стеклянными глазами и старикашки за большим окном ничего примечательного я не заметила. Хотя...

Она умолкла, явно что-то пытаюсь осмыслить.

– Что? – наконец не выдержал я.

– Понимаешь, у них у всех знак был один и тот же, логотип такой на левой стороне груди вместо бейджика. У старика, у этой «куклы» со спицей, у «лаборантов» этих то же... Знак в виде черепа в круге, а по контуру как бы крылья из лезвий от ножей, изогнутых, в стороны и чуть вверх смотрят. И цвета он был такого... металлического, что ли. А может и был из металла, я не знаю. У меня этот знак прямо перед глазами оказался, когда та, что со шприцем ко мне наклонялась.

– Череп с крыльями, говоришь, – задумчиво протянул я, пытаюсь припомнить, не попалось ли мне чего-нибудь подобного.

– Угу, с крыльями из лезвий. И главное! Такой же логотип там был на стене нарисован, блестящей металлической краской. Во-от такой вот здоровенный, – Нора развела руки в стороны, показывая размеры знака. – Значит, это какая-то компания, так ведь? Может, частная фирма какая-нибудь. Работающая на военных к примеру, почему нет?

– Не, – скептически отмахнулся я. – Какие там военные... Забыла где, а главное когда мы живём? А вот какие-нибудь сбрендившие учёные, выжившие и окопавшиеся в каком-нибудь своём секретном бункере, о котором никто до сих пор не знает – вот это запросто, это вполне себе может быть.

– А разве такое возможно, что бы столько лет в бункере, под землёй безвылазно просидеть? Ведь даже если не брать во внимание тот факт, чем они там будут питаться так долго, это же просто сбрендить можно от тоски! Я бы столько времени под землёй, пускай хоть в комфорте и роскоши ни за что просидеть не смогла.

– О-о, милая, ты себе даже не представляешь, как такие объекты устроены. В подобных убежищах можно жить не то что годами – десятилетиями! И при этом совсем не выходя на поверхность, возникни такая нужда. Реакторы на холодном ядерном синтезе, пищевые генераторы, минифермы, станки, промышленные «три-дэ» принтеры, способные создать необходимую деталь любой формы и битком набитые всем необходимым склады. Всё закладывалось с расчётом на очень и очень длительное время. И чем заняться там хватит всем с избытком, не заскучаешь. А то, на что способны учёные, фанатично преданные своему делу, нормальному человеку порой и представить трудно! Можешь мне поверить, я знаю, что говорю. В пору моих скитаний по Содружеству мне приходилось пару раз с такими дикими выходками долбанных очкариков сталкиваться – мама не горюй! Особенно «хороши» бывают поступки

этих... необычайно одарённых гениев, чтоб их... Всё же Великая Война внесла свои коррективы в рассудок людей, перекроив сознание всяких умников и превратив их в большинстве своём из тихих и увлечённых ботаников в каких-то злых гениев, одержимых манией величия сверх всякой меры. А ты говоришь – не может быть... Может, милая, ещё как может!

– И что мы со всем этим теперь будем делать? – задала логичный вопрос Нора.

– А ничего. Вернее – пока ничего, – поспешил поправиться я, наткнувшись на недоумённый взгляд жены. – Несколько дней мы всё равно здесь пробудем. Я нож начну делать, ты по хозяйству пока. А потом пойдём в Даймонд Сити и я там наведу кое-какие справки... И в Братство потом наведемся, то же информацию поищем. Даже шансов что-то разузнать больше именно там будет. Ну и познакомлю тебя с тамошними обитателями, хочется ведь наверное узнать, где муж основную службу-то несёт? Ну вот, всё сама и узнаешь. А заодно и насчёт снаряги для тебя что-нибудь решить нужно будет.

– Снаряги? Для меня?

– Да милая, снаряги. Для тебя. И оружия ещё, ты ведь с моим «Хадсоном» не надеешься всё время проходить?

– А почему бы и нет? Я могу...

– Я знаю, что ты можешь. Но во-первых – это мой пистолет, я к нему привык уже, он как продолжение моей руки... Чего смеёшься-то?! Вот несерьёзная ты девушка! Во-вторых – мы тебе специально оружие подберём, под тебя. Если хочешь – точно такой же «Хадсон», или даже целых два.

– И оно будет продолжением моей руки? – лукаво улыбнулась Нора, явно подшучивая надо мной.

– Да, так и будет. – не повёлся я. – Как это – зачем, ты тут, в Сенкчуари что ли сидеть собираешься, пока я на очередном задании буду? Нет? Ну а что тогда спрашиваешь... Всё, я вниз, водички пойду погрею, а ты пока то же давай вставай потихоньку, сегодня у нас раннее пробуждение будет.

Вот так начался ещё один наш с Норой день в этом чудесном постъядерном мире, который всегда, в любой момент готов подарить вам целое море новых впечатлений и разных, не испытанных прежде эмоций и ощущений, стоит вам только выйти за высокий забор и отойти от него подальше. Ну, вы меня поняли, надеюсь.

Одевшись, умывшись и позавтракав остатками вчерашнего овощного салата, мы провели ревизию оставшимся продуктам и пришли к выводу, что нужно будет наведаться в лавку к Беннету, иначе обедать нам уже будет нечем. Жена выказала желание самостоятельно отправиться за покупками, а заодно и познакомиться по возможности поближе с нынешними обитателями Сенкчуари. Я не возражал, потому как собирался с утра начать работать в своей гаражной мастерской, что бы постараться успеть изготовить нож, заказ на который вчера принёс Джонни-бой к тому моменту, когда придёт время нам с Норой отправиться в путь. На поиски ответов на наши с ней вопросы. Но пока было ещё рано, продуктовая лавка открывалась позже, и Нора решила побыть со мной в мастерской и посмотреть, как я буду работать над ножом. Я не возражал и мы вместе направились в гараж, дверь в который вела напрямиком из гостиной. Миновав коротенький коридорчик, я сдвинул в сторону чуть слышно лязгнувший металлом в смазанных петлях засов, толкнул дверь и пошарив рукой по стене, щёлкнул выключателем. Под потолком зажглись яркие лампы – в мастерской я на электричестве не экономил, и шагнул к верстаку. Нора прошла следом и огляделась.

– Сто лет тут не была, – произнесла она, смотря по сторонам. – Ты тут всё переделал.

– Ага, точно, переделал, – кивнул я, включив радио и поймав волну Радио Даймонд Сити. Из старенького радиоприёмника негромко полились звуки лёгкой музыки.

Я включил настольную лампу и разложил на верстаке так называемый чертёж и материалы для ножа. Потянув на себя за железную ручку, выдвинул средний ящик верстака и стал

в нём рыться, перебирая кованые заготовки, что бы подобрать нужную мне по размеру. Ага, вроде вот эта должна подойти... Выудив из ящика поковку, я принялся замерять её габариты линейкой, сверяясь с размерами, указанными на бумаге. Вроде подходит. Померил толщину штангенциркулем – да, самое то, что нужно. Ну что ж, тогда приступим! И пошла привычная работа: зачистил на грубой наждачке поковку от нагара, заодно подравняв поверхность, затем по картинке, накаляканной Филом, нарисовал на листе твёрдого картона контур ножа. Вроде получилось похоже на то, что хотел получить заказчик. Вырезал ножницами из картонки шаблон. Затем перенёс контур на заготовку, обведя картонный шаблон ножа «чертилкой» – тонким стержнем с припаянным победитовым наконечником, остро заточенным и позволявшим прочертить на металле тонкую линию. Так, вроде всё ровно...

Следующий шаг и он же занимающий больше всего времени и требующий максимума внимания – это обработка клинка по контуру и выведение спусков. На этом этапе Норе, которая до последнего момента сидела себе в уголке, забравшись с ногами в старое кресло, стоявшее у закрытых ворот, наскучило наблюдать за моей, в общем то ничем не примечательной деятельностью, и она направилась обратно в дом, готовиться к походу за покупками. Ну и правильно, а то я сейчас запущу ленточный гриндер, прикрученный к верстаку толстыми винтами, и поднимется такой шум, что просто так уже рядышком не посидишь. Нужно будет наушники одевать, я сам в них работаю и ещё очки с респиратором напяливаю для кучи.

Нора чмокнула меня в щёку и ушла, я лишь напомнил ей, что бы не забыла взять наверху кошель с крышками... кхм... всякий раз смех берёт, как про крышки эти вспоминаю, никак привыкнуть не могу. Дурить покупателей у нас тут вроде бы не принято, во всяком случае пока. Так что думаю с ней всё будет в порядке. Когда за женой закрылась дверь, я надел защитные очки, респиратор и нацепил наушники. Затем воткнул вилку в розетку и нажал на кнопку выключателя сбоку столешницы, запуская гриндер. Загудел-зажужжал электродвигатель, набрав обороты, побежала наждачная лента, скользя по направляющим роликам. Я покрутил рукоятку настройки, подбирая обороты, чуть тронул винт регулировки ленты и приступив вплотную начал обтачивать поковку. Сперва по контуру, а после поймав правильный угол, стал выводить спуски сначала с одной стороны, потом с другой, равномерно проводя заготовкой по наждачной ленте и периодически окуная её в воду для охлаждения. Только искры яркими пучками летели вниз из-под клинка, падая в подставленное ведро с водой, где тут же гасли. Кстати, воды в ведро долить бы надо, а лучше вообще поменять, пованивает уже малость. Всё руки не доходят.

Вот так, шаг за шагом, периодически выключая станок и давая мотору остыть я изготовил клинок. Ну, пока это только черновая обработка, ещё тереть и тереть, наводя блеск и выравнивая поверхности, теперь уже вручную. Уже можно рукоятку начинать заниматься, но это после обеда. Отдохнуть чуток надо, да и Норе по идее пора бы уже вернуться. Только подумал – и тут же услышал, как Косворд разговаривает с моей женой в прихожей, принимая у неё сумку с покупками. Оставив клинок лежать на верстаке, я снял с себя всю защиту, стянул перчатки, бросил их на столешницу и пошёл в дом, не забыв выключить свет на выходе из мастерской.

Нора с Косвордом уже всю хозяйничали на кухне, в две руки и два манипулятора разбирая купленные продукты и собираясь с минуты на минуту приступить к священному таинству готовки. Вернее собиралась Нора, а не в меру умный робот только мешал, создавая ненужную суету и периодически изрекая какую-нибудь свою очередную «мудрость». Я присоединился к всеобщему веселью, помыл как следует руки и мы все вместе принялись готовить обед. Нора мыла-чистила, я нарезал и шинковал, бросая всё это дело в большую кастрюлю, Косворд периодически мешал, причём не только нам с Норой, но ещё и шумовкой кастрюле... В общем дело двигалось. И уже вскоре кастрюля с исходящим ароматным паром овощным рагу стояла на столе, а мы с женой ждали с нетерпением, когда робот-дворецкий разложит по тарелкам наши порции.

После обеда мы с чашками «кофе» вышли на крыльцо, решив немного посидеть на воздухе и оставив робота одного на кухне мыть посуду. Надеюсь, ни одной тарелки разбито на этот раз не будет. Посидев на скамейке под навесом и немного поболтав о том, о чём мы вернулись в дом и снова взялись заниматься каждый своим делом. Я опять отправился в гараж работать над ножом, а Нора решила приступить к генеральной уборке нашего дома, который давно уже превратился в холостяцкую берлогу, пропахшую ружейным маслом, несвежими носками и подгоревшим на сковороде жиром. Начать она решила с нашей спальни наверху и к тому моменту, как я в мастерской взялся прикидывать, как же мне лучше раскроить пластины панциря болотника, чтобы собрать рукоять, Нора уже всю шурувала наверху мокрой тряпкой. Нарядившись в вытертый джинсовый комбинезон на лямках, раскрыв настежь окно и повязав на голову красную косынку, под которую убрала волосы, она выглядела как заправская домохозяйка. Время от времени покрикивала на Косворда, заставляя его часто менять грязную воду в ведре. В общем картина, согревающая душу, если бы только не думки о сыне, всплывающие в памяти время от времени помимо воли и омрачающие своим появлением всю радость нашего с Норой воссоединения. Но тут уж ничего не поделаешь, жить-то всё равно как-то надо.

Так в трудах праведных незаметно прошёл день. Я немного увлёкся в мастерской и к тому моменту, когда Нора заглянула в гараж и посоветовала мне закругляться: мол, хватит на сегодня, оказалось, что уже почти стемнело. Ну, значит и впрямь достаточно трудиться, пора и честь знать. Я прибрался на верстаке, вырубил всё электричество в гараже и отправился в дом, отдыхать. В таком вот примерно порядке, день за днём незаметно прошла неделя. Я к тому моменту уже практически закончил нож, а вчера наконец доделал и ножны к нему. В общем, можно считать, что заказ готов. А Нора за эти дни так вымыла и выскребла наш дом, что теперь он являлся просто эталоном чистоты и порядка. Значит потихоньку можно собираться в дорогу. И прямо сейчас, этим ранним пасмурным утром я начну свои приготовления. Первым делом – оружие для нас с Норой. Почему сразу оружие, спросите вы? А я вам отвечу: не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Чувствует моё сердце, что начинается что-то такое, от чего жизнь наша совершит... да что там – уже совершает очередной виток, по своей значимости и грандиозности превосходящий всё, что случалось с нами до этого момента. Ведь то, что мы с Норой вновь обрели друг друга, причём совершенно фантастическим образом... не буду кривить душой – говорим прямо: просто чудом из разряда тех, о которых благоговейно шепчут адепты самых разных религий, в божественном экстазе возводя свои очи к небесам, и неужели это можно приписать простой случайности? Совпадению? Вы в самом деле так считаете? Каким бы прожженным циником я ни стал за время, проведённое в этом чудном постъядерном мире, но таких случайных совпадений не бывает, я совершенно, безоговорочно в этом уверен. Рок, судьба, божественное проведение – назовите это так, как вам будет угодно, но мы с моей женой снова вместе! Я уже говорил, что за сравнительно недолгий срок с того дня, как я оказался на просторах бывшего штата Содружество Массачусетс, мне «посчастливилось» практически сразу же с головой окунуться в такой водоворот событий, что иному и десяти жизней не хватит, что бы испытать половину того, что пришлось испытать мне. И – о чудо! Я до сих пор жив, относительно здоров и даже веду кое-какие дела, приносящие пусть и не большую, но всё-таки прибыль. При этом я всё так же продолжаю наживать по большому счёту врагов, чем друзей, всё так же продолжаю приносить своему здоровью по большей части вред, чем пользу... Вот такие вот дела, дорогие товарищи.

Вообще-то если посмотреть на ситуацию хладнокровно и отстранённо, трезво оценивая и взвешивая все те немногие известные нам факты, то в нашей с Норой встрече никаким божественным проведением, а уж тем более милостью небес к нам смертным и не пахнет. Наоборот – во всём виднеется чей-то тщательно выстроенный план, тонкий расчёт многоходовой комбинации, чья-то сильная рука, которая всем руководит и всё это дело направляет. И рука эта вполне себе человеческая, а не мифическая всесильная длань господня. И вот во всём этом

нам с Норой придётся разбираться, разбираться глубоко и тщательно, так как быть пешками в чужой игре и марионетками в чьих-то руках не желаем ни я, ни она, однозначно. Кто бы ни вёл всю эту игру, кто бы ни пытался всем этим манипулировать, какие бы цели не преследовал – понервничать ему... или им, ещё ой как придётся! Хм, что-то я расхрабрился не на шутку... Как бы оно это... не того... Значит, череп с лезвиями, говоришь...

Все эти не совсем весёлые мысли крутились в моей голове, когда я уже час как сидел в бывшей детской на втором этаже и чистил винтовку, разложив на столе всё нужное для этого дела хозяйство. Мои руки жили своей собственной жизнью, двигая взад-вперёд шомпол с навинченным на конце пластиковым ёршиком внутри ствола, а я всё думал, думал... Наконец голова начала натурально пухнуть от раздумий и я, встряхнувшись, отложил в сторону недочищенный ствол, убрал шомпол и встал из-за стола. Вытер более-менее чистой тряпкой руки, бросил её на стол и направился в нашу спальню, где Нора всё ещё нежилась под одеялом и не желала до конца просыпаться. Мне же прошлой ночью что-то не спалось, я ворочался, то и дело просыпался, и в конце концов окончательно пробудившись ранним утром и пойдя по малой нужде, я разгулялся окончательно и решил больше не ложиться. Поэтому вернувшись в спальню я, стараясь сильно не шуршать, натянул старые спортивные брюки, накинул рубашу на голый торс, и поцеловав Нору в торчащий из-под одеяла носик, отправился в «оружейную», прикрыв за собой дверь. Нора что-то там пробурчала невнятное, зарылась поглубже под одеяло и продолжила потревоженный мной сон. И вот сейчас я решил, что моей дорогой половине достаточно дрыхнуть и пора начинать участвовать в нашем общем деле, разделять, так сказать, все заботы наравне с супругом. А то что же получается – я тут один бьюсь, как рыба об лёд, ночами не сплю, всё думаю, как нам получше к предстоящему походу подготовиться, а что поход наш будет долгим и богатым на впечатления – тут к гадалке не ходи, а поэтому:

– Нора, подъём!!! – и тут же уворачиваюсь от летящего прямиком мне в голову старого глянцевого журнала, лежавшего до этого на тумбочке в изголовье с Нориной стороны. А сама агрессивная лежбока снова предпринимает попытку поглубже закопаться в постель, но не тут-то было – я хватаюсь за край одеяла.

– Милая, пора-пора, труба зовёт, – и тяну одеяло на себя.

– Не зовёт, не зовёт, – супруга не сдаётся, пытаюсь завернуться уже не только в одеяло, но и в простыню на манер куколки в коконе, но я остаюсь неумолим.

– Нора, милая, ну правда – мне твоя помощь нужна. Хватит вылёживать, вставай уже.

Жена вздыхая сдаётся, перестаёт сопротивляться и выпутывается из постельных принадлежностей. Села на кровати и сладко потянулась, выгнув спину и вытянув вверх руки.

– Ну вот посмотри, во что ты кровать превратила, – попенял я Норе, укоризненно покачав головой. – Будешь заново всё заправлять.

– Сам заправишь, – тряхнула разлохмаченной головой та. – Ты меня растормошил – вот и заправляй. А я в душ.

И вскочив на ноги моя «Миссис Непредсказуемость» мгновенно упорхнула, успев по дороге ловко чмокнуть меня в заросшую трёхдневной щетиной щёку и ухватить за... кх-м, да. Железная логика! А прыти сколько! А ведь только что сладко сопела и просыпаться ни за что не хотела. Я машинально провёл рукой по тому месту, где только что побывали её губы, вздохнул и улыбнулся.

К тому моменту, когда Нора приняла душ, оделась, причесалась и пришла ко мне в «оружейную-детскую», я успел как следует вычистить свою «А3», почистил так же «глушитель» к ней, собрал всё и теперь сидел, набивал патронами магазины, складывая их стопкой на столе рядом с винтовкой. Пришлось открывать новый ящик – последний, калибра «308». Ну, как последний – в схроне-то ещё целых пять таких ящиков по две тысячи патронов в каждом лежат, в сухости. Но на то он и схрон, что бы в него положил – и забыл. А вот дома – да, последний. Прав был Артуро – пора уже патронами закупаться. Но только не у него, а у Братства,

там и скидки, и производство своё, за качество сомнения не возникают... Так, решено, как до базы братства Стали доберёмся, закуплюсь у них с запасом, надо будет только пилотам взятку сунуть, ну или презент какой-нибудь, чтобы сюда, в Сенкчуари доставили. Денег... в смысле – крышек пока хватает. Ох уж эти крышки! Хоть векселя под них какие-нибудь придумали бы, что ли. Или расписки какие. Но нет, пока какой-никакой организованной банковской системы нету, то и заниматься этим никто не будет. Да что я то же, размечтался – тут натуральный обмен всюю процветает и никуда уходить пока не думает, а я – векселя! Расписки! Ещё чего придумал.

Нора пришла с двумя чашками «кофе» в руках. Одну поставила передо мной на стол, уместив её между горкой патронов и лежащими в рядок магазинами, с другой же присела на стул напротив и осторожно отпила маленький глоток. Поставила чашку на стол и спросила:

– Чем заниматься будем?

– Будем оружие для тебя подбирать. Сейчас, ещё два набью и приступим.

– Хорошо, – Нора кивнула и снова взяла чашку, подула, остужая горячий ещё напиток.

Я закончил с магазинами решив, что по подсумкам распахую их позже, и встав, шагнул к большому железному шкафу, выполнявшему роль оружейного сейфа. Распахнув настежь обе дверцы, я в раздумье уставился на содержимое. Так, пистолеты... Нет, тут мне в общем всё примерно ясно – «сорок пятый» Норе однозначно не подходит. И отдача сильная, и патронов меньше с собой возьмёт, а нам затариться нужно будет по-максимуму. Хотя... Не, не надо, лучше бронебойных «девятки» с калёным стальным сердечником побольше возьмём. У меня тут таких есть немного, пара-тройка пачек по пятьдесят штук по-моему где-то лежит... Ага, вот они. Так, а одна пачка начатая... Ладно, тройку магазинов себе набью, оставшиеся Норе отдам, ей как раз достаточно будет. Остальные обычными наполним, а на базе закупим тогда сколько нужно. Теперь сам пистолет. Так, что у меня есть... С «Хадсоном» моя жена себя блестяще показала, вот его мы ей и предложим в качестве второго ствола.

– Милая, иди, глянь-ка.

Нора отставила в сторону пустую чашку и встала из-за стола.

– А что тут у нас? – она с любопытством заглянула в «сейф». – Ого! Вот это выбор!

– Да ладно, так, ничего особенного, – усмехнулся я, слегка смутившись. – Немного того, немного другого... Вот, смотри, выбирай.

Нора пробежала глазами по ряду пистолетов, вставленных в специальные зажимы и как я предполагал, потянула себе «Н-9». В стойке их было четыре штуки, Нора выбрала первый справа, тот, что был в двухцветном исполнении, со светлой рамкой, но воронёным кожухом-затвором. Родные пластиковые накладки на рукоятке этого пистолета были заменены на кастомные резиновые, покрытые мелкими пупырышками, из-за которых рукоять была очень приятной на ощупь. Ещё на ней спереди имелись выемки под пальцы. Так же на рамке пистолета был уже установлен маленький, но мощный подствольный фонарь с практически вечной микроядерной батареей. Стандартные целик и мушка заменены на другие, со светящимися в темноте тритиевыми вставками и имелась резьба под «глушитель» на кончике ствола, на которой сейчас была навинчена специальная заглушка. «Глушитель» в комплекте то же имелся. Жена взвесила пистолет в руке, примерилась так и этак, прицелилась в стену напротив. Нажала на защёлку магазина, тот выскочил в подставленную ладонь. Несколько раз оттянула и отпустила затвор, проверяя работу подвижных частей. Повернулась ко мне и сказала:

– Беру этот.

– Угу, я понял уже, – кивнул я. – Тогда бери вон в том ящике запасные магазины и начинай наполнять. Патроны вот.

С этими словами я протянул ей запечатанную пачку бронебойных.

– Набей такими один, ещё три набьёшь обычными, пачку на полочке возьмёшь. Вот эти красные, видишь? Да, вот эти. А я пока насчёт длинноствола для тебя подумаю...

Я шагнул поближе к шкафу с оружием и впрямь задумался, глядя на винтовки, стоявшие в ряд прямо передо мной. Так, что же ей подобрать-то... Если подумать, то лучше всего подошёл бы ствол в компоновке «буллпап», как у меня. Всё же Нора женщина, ей обычной винтовкой с магазином перед спусковой скобой управлять трудновато будет, и даже не в плане веса – это не проблема, а просто из-за большей длины самого оружия. Всё-таки маневрировать где-нибудь среди развалин или в зданиях намного проще с коротким огнестрелом, чем с длинной винтовкой. Тем более практически с такой же длиной ствола и соответственно схожей баллистикой. Но загвоздка в том, что из всех имеющихся у меня «буллпапов» – это ещё три таких же «А3», как и та, которой я сам пользуюсь. И все они в калибре «.308», от которого оружие нехило так лягается отдачей. Мне-то не страшно, я и потяжелее буду, и посильнее. А вот Норе такая отдача вряд ли понравится. И даже если мне удастся раздобыть на базе Легиона для неё одну интересную вещицу, это только половина решения проблемы. Так, а что, если вот это попробовать...

– Милая, – обратился я к жене, – возьми-ка вот эту штуку. Хочу, что бы ты к ней примерилась.

С этими словами я снял с крюков и протянул ей «машинку». Нора отложила в сторону не до конца наполненный магазин и патрон, который она держала в другой руке, и приняла у меня из рук оружие. Повертела так и этак, поднеся поближе к лампе, что бы получше его рассмотреть. Потом спросила:

– А что это? Такой лёгкий...

– Это «Вест Тэк «Раптор2000», одна из последних их разработок, выпускался перед самым началом войны. Довольно редкая штука. Это очень надёжное и точное оружие.

– Поня-я-ятно, – задумчиво протянула Нора, внимательно рассматривая «Раптор». Было видно, что «игрушка» её очень заинтересовала. В руках у моей жены находился компактный пистолет-пулемёт калибра девять миллиметров. «Кушал» он те же патроны, что и «Хадсон» и это ещё раз говорило в пользу выбора именно этого ствола. Как я уже говорил, компания «Вест Тэк» представила «Раптор 2000» на рынке вооружений перед самым началом Великой Войны, когда наши на Аляске уже всю рублились с узкоглазыми и весь мир замер в тревожном ожидании неизбежной трагической развязки противостояния двух супердержав. Поначалу «Раптор» предполагалось поставлять в части разведки и всякого рода спецподразделениям, а так же оснащать ими экипажи танков, самолётов и бронемашин. Но начались бюрократические заминки, часть сенаторов высказали мнение, что в условиях военного времени очередное перевооружение не имеет смысла, да и влетит казённому бюджету в копейку. В общем в результате «Вест Тэк» остались ни с чем и даже их могучее оружейное лобби не смогло ничего сделать, что бы протолкнуть заказ на новое оружие военному ведомству. Поэтому вскоре производство «Рапторов» окончательно свернули, а все уже выпущенные и имеющиеся в наличии образцы срочным образом выбросили на гражданский рынок, дабы хоть как-то покрыть расходы на производство.

И вот теперь Нора держала в своих руках один из таких вот замечательных экземпляров стрелкового оружия. Корпус тёмно-оливкового цвета, отлитый из ударопрочного пластика был выполнен по моей любимой схем булл-пап, что позволяло до максимума увеличить длину ствола, сохраняя оружие в небольших габаритах, что собственно и было блестяще проделано инженерами-конструкторами компании «Вест Тэк». «Раптор» имел магазин на пятьдесят патронов, расположенный вдоль оружия поверх ствола и утопленный одним концом под планку для установки прицелов. Рукоятка ведения огня и передняя рукоятка удержания имели достаточно большой угол наклона и были расположены близко друг к другу, что позволяло быстро наводит оружие на цель и намного уверенней стрелять навскидку. Рычажок-переводчик огня имел три положения: предохранитель, одиночные, и очередь с отсечкой по три выстрела. В комплекте имелись две дульные насадки: пламегаситель и «глушитель», сейчас на конце ствола

был навинчен пламегаситель. Разбиралось и собиралось оружие просто, было надёжным, к загрязнениям малочувствительно – что ещё для счастья нужно!

Откуда же у меня такое навороченное оружие в наши нелёгкие времена, когда основная масса населения стреляет друг в друга, а так же по пустым бутылкам и жестяным банкам из гладкоствольных пукалок кустарного производства, спросите вы? А я отвечу: ни за что не поверите – нашёл. Да-да, именно так – просто нашёл. Ну, как просто – сам-то мой путь до того счастливого момента, когда я смог ощутить под своими пальцами приятный на ощупь пластик «Раптора», был довольно таки труден и извилист. Я тогда уже не первый и не второй час плутал по бесконечным лабиринтам канализационных коллекторов Бостона, удирая от севших мне на хвост и донельзя обозлённых на меня Стрелков, у которых я увёл одну высокотехнологичную штукювину, совершенно для них лишнюю с точки зрения Братства Стали. И в конце концов тёмные и сырые тоннели вывели меня к провалу, в который рухнуло целое здание, частично уцелевшее, и через проломы в стенах которого мне удалось наконец-то выбраться наружу. Так вот, в той части здания, которая подверглась наименьшему разрушению, когда-то находился оружейный магазин, попасть в который снаружи было практически невозможно, если точно не знать, куда надо лезть. А лезть туда вряд ли кому-нибудь в здравом уме и по доброй воле захотелось бы, так что... В общем, это место за многие годы так никто и не нашёл. Я и сам-то почти прошёл, вернее пролез мимо, если бы в свете моего фонаря в проёме между двумя опершимися друг на друга бетонными плитами не сверкнуло что-то металлическим блеском и мне не стало вдруг интересно, а что же там такое блестит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.